

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

ЭМИЛИ БАРР

Психологический триллер (АСТ)

Эмили Барр

Выжить любой ценой

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Барр Э.

Выжить любой ценой / Э. Барр — «Издательство АСТ»,
2012 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-110339-2

Все начиналось вполне обычно... Сорокалетняя англичанка Эстер решила отдохнуть после непростого развода – и уехала в далекую экзотическую Малайзию. А там в поисках свежих впечатлений отправилась, в составе туристической группы, на экскурсию на необитаемый остров. И тут случилось нечто странное, пугающее, опасное... Бесследно исчез гид группы вместе с лодкой, и несчастные туристы оказались пленниками в океане. Что произошло? Как выжить и дождаться помощи? И придет ли помощь вообще? Эстер еще не догадывается: произошедшее – не просто несчастный случай. За этим стоят тени из ее далекого прошлого, о котором она очень хотела бы забыть...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110339-2

© Барр Э., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	35
Глава 9	37
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эмили Барр

ВЫЖИТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Emily Barr
STRANDED

© Emily Barr, 2012

© Перевод. Н. Ломанова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Посвящается Джеймсу, Гейбу, Себу и Лотти, как всегда, с
большой любовью*

Пролог

Я переворачиваюсь на спину и открываю глаза. За ночь в мире ничего не изменилось: безоблачное небо начинает розоветь там, где над морем встает солнце. Я зажимаюсь и делаю еще одну попытку. Если соберу волю в кулак, может быть, я все-таки проснусь дома.

Я изо всех сил пытаюсь представить свою спальню в Брайтоне. Песок под моей спиной становится матрасом, а грязный саронг – пуховым одеялом. Ворочающиеся и храпящие рядом люди превращаются в мою милую Дейзи, спящую в комнате напротив.

Большую часть времени жизнь на этом острове кажется мне нереальной. Я почему-то уверена, что если сильно постараюсь, то смогу оказаться дома. Этим утром я делаю для этого все возможное. Если я проснусь дома, как же я буду ценить то, что имею!

Но все напрасно. Как всегда. Я по-прежнему на берегу. Вода, похоронившая нас на этом острове, все так же плещется у берега, совсем как в рекламной брошюре туристического агентства. Резко приподнявшись, я осматриваюсь. На море полный штиль, и оно слабо посверкивает в свете зари. Утренний воздух неподвижен. Песок все тот же. На горизонте ни одного судна. Никто не спешит нам на помощь. Мы торчим здесь уже много дней, но никто из нас их не считает. Время не спеша течет мимо нас. Мы все еще живы, все семеро, хотя один уже заболел, а второй сходит с ума. Все спят. Я встаю и бреду прочь, наслаждаясь одиночеством. У кромки леса я останавливаюсь и прислушиваюсь. Там все просыпается. Джунгли полны жизни. Их обитатели, от самых крошечных насекомых до гигантских ящериц, похожих на динозавров, совершенно безобидны, во всяком случае, для нас. Здесь нет тигров и свирепых обезьян. Нам досаждают только москиты.

Мои волосы напоминают солому. Страшно подумать, что стало с лицом: кожа облезает клочьями, хотя у нас остался солнцезащитный крем. На мне лишь бикини и саронг – то, в чем я была, отправляясь на морскую прогулку. Знай я, что нас ожидает, оделась бы по-другому и прихватила с собой припасы. Саронг когда-то был розовым с золотой вышивкой по краю. Я купила его в аэропорту и была очень довольна. Сейчас он посерел, золотые нитки порвались и торчат во все стороны. К тому же он протерся в трех местах. Качество так себе. Но кто тогда мог подумать, что он станет моей единственной собственностью.

Если бы не Дейзи, которая гадает, что же со мной случилось, я бы бросилась в море и плыла, пока хватило бы сил. А так я вынуждена сидеть и ждать.

День кажется бесконечным. Мы проводим его в поисках еды и пресной воды. Все силы брошены на выживание. Это вообще не жизнь. Я прислоняюсь к дереву и начинаю плакать... В этом месте мне суждено умереть. Мы все здесь умрем и знаем об этом. Надеюсь, ждать осталось недолго.

Глава 1

За четыре недели до этого

В семь утра, когда в отеле открывается спа-центр, я уже стою рядом, горя желанием поплавать. Вокруг никого нет, кроме мужчины за стойкой, который с улыбкой вручает мне мохнатое белое полотенце и вновь погружается в газету.

Пол здесь из темного мрамора, по которому проложена деревянная дорожка, чтобы вы не поскользнулись, идя к бассейну. Я прохожу мимо душевой с лейками величиной с тарелку. Кабинки отделены друг от друга бамбуковыми перегородками. Место просто шикарное, не то что мой скромный домик за миллион миль отсюда. Теплый воздух обволакивает меня, словно пуховое одеяло. Ощущение поистине изумительное. Я никогда не была в спа, и сейчас мне не хочется отсюда уходить.

Надеюсь, никто не догадается, что я самозванка. Я не из тех, кто посещает подобные места, хотя делаю вид, что для меня это дело привычное. К счастью, здесь для этого вполне достаточно европейской внешности. В раздевалке я встаю перед зеркалом. Свет приглушенный, что очень льстит моей внешности: если откинуть волосы назад и принять соответствующую позу, я выгляжу так, как хотела бы. Я вполне могу сойти за уверенную в себе путешественницу, которая приехала сюда одна просто потому, что ей так нравится. Развод, по крайней мере, заставил меня похудеть. Прежде чем уехать из дома, я покрасила волосы, и теперь мой облик вполне соответствует ситуации.

Глядя на меня, никто не догадается, насколько неловко я себя чувствую. Ведь женщины под сорок редко колесят по Азии в одиночестве, так что сторонний наблюдатель невольно задаст себе вопрос, что же привело меня сюда.

Я не похожа на пьющую даму из среднего класса, комичную неадекватную жену, кое-как одетую мать семейства, которая появляется у ворот школы слишком поздно и находит свою дочь в учительской, страдающей от унижения. Школьный персонал, конечно, не будет морщить нос от перегара, которым несет от этой дамы, а муж не покажет вида, как ему осточертело ее дурацкое поведение.

Спа-центр открыт окружающему миру, но поскольку он находится на третьем этаже, заглянуть туда снаружи не удастся. Мне же видны только облака и верхушки деревьев. Воздух здесь горячий и влажный.

Большим пальцем ноги я осторожно трогаю воду. Как и следовало ожидать, она восхитительно теплая. Вскоре я уже бесстрашно рассекаю водную гладь и, сделав двадцать заплывов, позволяю себе подставить тело под массажные струи, бьющие по краям бассейна. Я пробую каждую из них по очереди: джакузи, душ с его волшебным напором, разминающим плечи, полка под поверхностью воды, растянувшись на которой, чувствуешь, как сотни маленьких струек с неожиданной силой щекочут твоё тело. Потом я десять минут нежусь в парной, размышляя, не лучше ли мне остаться здесь на все три недели, забыв про райские пляжи и свои грандиозные планы.

За завтраком я чувствую давно забытое умиротворение. Теперь я понимаю, почему женщины с радостным визгом устремляются в спа-салоны, чтобы побаловать себя. Это слово всегда приводило меня в бешенство. Я бы скорее выколола свои глаза фруктовым ножом, чем позволила себе подобное баловство, но теперь поняла всю притягательность спа. Вообще-то это возмутительное расходование водных и энергетических ресурсов планеты, но мне было так хорошо (именно поэтому мир обречен – человеческий эгоизм непременно нас погубит).

Сейчас мне ничего не стоит убедить себя, что я наслаждаюсь своим одиночеством. Изучая путеводитель, подсунутый под край тарелки, я работаю над мотивацией завтрашнего

броска на остров. Там моим бассейном будет море. А баловать себя я буду, лежа на теплом песке. Сольюсь с природой, и никто не сможет этому помешать.

Теоретически необязательно лететь за тысячи миль, чтобы опровергнуть бывшего супруга, заявившего, что «ты даже в Ватикане испортишь обедню».

– Ты тоже испортишь, – парировала я. – Там куча всяких сложностей. Масса мелочей, которые надо соблюдать. А ты вообще не католик и разбираешься во всем этом не лучше меня. Мы оба можем испортить обедню даже в Ватикане.

Крис закатил глаза.

– Мы два сапога пара, и брак наш заключен на небесах, – объявил он и ушел насовсем.

Он всегда закатывал глаза, когда я что-то говорила. И вот я здесь, чтобы доказать ему, что я чего-то стою и на многое способна, хотя с таким же успехом я могла бы сделать это дома. Бог свидетель, я бы неплохо устроилась и без него.

Приехать сюда было совсем не в моем духе. Раньше я ничего подобного не совершала.

В Малайзию я устремилась благодаря случайному разговору на вечеринке, куда явилась без приглашения. Я решила следовать своим инстинктам или тому, что за них принимала (я никогда не была в состоянии отличить здоровый инстинкт от пагубного побуждения), чтобы поразить всех, и прежде всего себя. Как только я закрыла за собой входную дверь и, взвалив на плечи рюкзак, отправилась на вокзал, я сразу же пожалела, что не выбрала нечто попроще, к примеру путешествие по Шотландии.

К счастью, в моем отеле вполне приличный ресторан, где никто не обращает внимания на одинокую женщину. У меня за спиной шумит каскад льющейся по стене воды; в нем есть что-то притягательное, и я невольно оглядываюсь. За соседним столиком тихо ссорится парочка. Слов я не различаю, но динамика происходящего мне до боли знакома. Когда у женщины звонит телефон, оба с облегчением криво улыбаются. Она немедленно начинает кричать в трубку, вымещая свое раздражение на звонящем.

Я знаю: если завтрак включен в счет, нужно есть все, что видят глаза, чтобы протянуть до вечера. Поэтому я накладываю на тарелку гору тропических фруктов, потом пару тостов и изрядную порцию малазийского карри с рисом. Я убеждаю официантку налить мне как можно больше кофе, а потом вспоминаю, что в городе я успела провести лишь полдня и мне надо посетить еще кучу достопримечательностей.

Я пишу сообщение на телефон Криса: «Для Дейзи. Отправляюсь осматривать город. Завтрак отличный, спа восхитительный, в следующий раз возьму тебя с собой. Надеюсь, ты не грустишь. Очень люблю и отчаянно скучаю. Мама». Представляю, как Крис будет читать эти строки. На него они точно произведут впечатление. И я нажимаю «отправить». Потом убираю путеводитель в сумку и иду покорять Куала-Лумпур.

По-настоящему я хотела бы провести день в спа со всеми его процедурами, но сегодня у меня единственный день в городе, и я должна его осмотреть. Ведь надо будет отчитаться перед Дейзи и продемонстрировать Крису, что я отлично обхожусь без него и провожу время так, как ему и не снилось.

Я перехожу дорогу рядом с отелем, следуя в кильватере двух молодых людей. Если рядом местные, вероятность попадания под автобус несколько уменьшается. Это один из моих постулатов.

Из окна моего номера видны башни Петронас, и я горжусь тем, что живу рядом с единственной достопримечательностью Куала-Лумпура, о которой мне известно. У их подножия есть прохладный молл, где продаются вещи от Армани и других известных дизайнеров, но мне они не по средствам. По карману мне только «Старбакс», но кофе я уже пила в отеле. Вместо этого я покупаю билет на мост, чтобы подняться на него позже, и иду к ближайшей станции метро.

Весь день я сверяюсь с путеводителем, и это придает мне уверенности. Я бодро сную между достопримечательностями. Вчера я лишь бродила вокруг отеля, а сегодня уже еду на метро (где гораздо чище и безопаснее, чем в лондонской подземке) от Петронасов к мечети Масджид-Джаме. Там я прежде всего иду в индуистский храм, где люди в ярких одеждах простираются перед святилищем. Мне застенчиво улыбаются маленькие девчушки в золотых сережках, и я машу им рукой.

Потом я смотрю, как сливаются две грязные речки, и узнаю из путеводителя, что название Куала-Лумпур означает «грязное устье» и здесь находится самый центр города. На месте их слияния стоит мечеть, и если в индуистском храме я могла не снимать обувь и спокойно наблюдать за верующими, то к мечети я даже не решаюсь подойти. Кто знает, пускают ли туда женщин, не говоря уже о нечестивых разведенках, брошенных мужьями за глупость.

Я обхожу старое крикетное поле, оставшееся еще с колониальных времен. Там возвышается флагшток и стоит христианская церковь. Войдя, я обращаю внимание на множество латунных пластинок с именами усопших колонистов. Большинство из них не дожило до тридцати, но причина смерти – падение с лошади – указана лишь в одном случае. Парочка молодоженов из Пенджаба просит меня сфотографироваться вместе с ними. Я начинаю чувствовать себя кинозвездой и пытаюсь изобразить ослепительную улыбку, которая получается совершенно идиотской.

Когда я добираюсь до китайского квартала, солнце уже немилосердно палит. Здесь мне на каждом шагу предлагают пиратские диски и копии дизайнерских сумок. Остановившись перед лотком с парфюмерией, я размышляю, кто покупает эти поддельные духи. Фальшивая сумка «Прада», по крайней мере, выглядит как настоящая. А в якобы фирменный флакон можно налить любую дрянь.

Продавец принимает меня за потенциальную покупательницу и начинает торговаться. Я пытаюсь уйти, но он отчаянно снижает цену, и не успеваю я оглянуться, как у меня в руках оказывается флакон фальшивых духов «Скрытые фантазии» от Бритни Спирс за четыре фунта. Еще одно свидетельство моей глупости и непрактичности.

Я решаю перекусить и сажусь за столик под зонтиком на краю ресторанный дворики. Заказав жареный рис с овощами и бутылку воды, я импульсивно добавляю банку пива. Некоторые, проходя мимо моего столика, небрежно кивают, но меня это не трогает. На самом деле никто мной не интересуется. Все, чем я жила в Брайтоне, осталось в прошлом. И первый раз за много лет мне легко дышится.

К полудню джетлаг дает о себе знать, и я возвращаюсь на метро к башням Петронас. Поднимаясь на лифте вместе с группой из пятнадцати человек, я улыбаюсь малышке лет трех в ярко-желтом платьице и с золотыми сережками в ушах, и она смотрит на меня с явным интересом. Рядом с ней стоят родители и прогулочная коляска с младенцем, пол которого легко угадать по обилию голубого цвета в его вещах. Девочка меня явно опасается и потому цепляется в материнскую руку с красивым маникюром, которая виднеется в складках никаба.

С моста, соединяющего башни, открывается головокругительный вид на город. Можно приходиться сюда хоть целый год и каждый раз видеть что-то новое. Внизу до самого горизонта калейдоскоп парков, домов, людей и машин. Все утопает в яркой зелени. Пока я видела только солнце, но знаю, что ливни здесь нешуточные. Отсюда виден мой отель и даже окно моего номера. Свой красивый новенький саронг я оставила на подоконнике, и теперь это розовое пятнышко обозначает мое присутствие в этом неожиданно гостеприимном городе.

Я начинаю думать о Крисе и сразу же проклинаю себя за это. Столько лет я боролась с ним, но сейчас, стоя на сорок втором этаже и глядя вниз на этот космополитичный город за тысячи миль от дома, я вспоминаю о нем с теплотой. Такое великодушие мне приятно, тем более что Криса оно привело бы в бешенство.

Выйти замуж за Криса было не самой удачной идеей. Если бы все шло обычным образом, я бы о нем даже не вспомнила. Мы оба были безответственными бездельниками, которых объединяла лишь любовь к амфетамину, в то время как большинство предпочитало экстази. Несколько недель совместных тусовок вполне хватило бы, чтобы понять, что в трезвом состоянии у нас нет ничего общего, и мирно разойтись в разные стороны.

В те времена Крис был необычайно красив. Его русые волосы доходили до воротничка, если бы он носил рубашки, лицо сияло обаянием молодости, суля блестящие перспективы, которые он успешно упустил, предаваясь безудержному гедонизму. У него были правильные черты лица, высокие скулы и бархатные карие глаза. Сейчас волосы у него на макушке поределели, и он компенсировал это тем, что отрастил длинные патлы и собрал в хвост в стиле музыкантов группы «Слейд». Тогда ему было тридцать два. А сейчас уже стукнуло сорок три. За это время многое изменилось.

Мы, конечно, никогда не жалели о незапланированном появлении Дейзи. Сначала я подумала об аборте, но мне хотелось стать матерью, и когда Крис под кайфом заявил, что из нас получатся потрясающие родители, я решила сделать вид, что тоже так думаю. Мы соблюли все формальности, включая свадьбу по залету, и очень гордились, что стали взрослыми.

Когда я оглядываюсь назад, самым удивительным мне кажется то, что в браке мы прожили вплоть до прошлого года. Мы тянули наше несчастное существование, как старую жевательную резинку, которую давно пора выбросить в мусорное ведро. Но никто не хотел сделать первого шага. Я ждала, что он меня оставит, дав тем самым возможность свалить всю вину на него. А он, я уверена, хотел прямо противоположного. Мы упрямо ждали целых десять лет, пока полгода назад одновременно не сдались.

Я боялась, что Дейзи будет сильно переживать из-за нашего развода, чувствуя себя брошенной и несчастной. Вместо этого она улыбалась и все время твердила, что уже не надеялась, что это когда-нибудь произойдет, и очень довольна.

Сейчас мы уже официально разведены, и я оставила его фамилию только потому, что ее носит моя дочь. Это все, что у меня осталось от него: его гены в моем ребенке и его фамилия.

Глава 2

Раньше я никогда не ходила в бар одна. Выпивала частенько, но всегда только дома.

Я вся вымокла под теплым дождем, и мои вымытые и тщательно уложенные волосы обвисли и прилипли к щекам. Длинная юбка и хлопчатобумажная блузка облепили тело и выглядят вызывающе, хотя это самые скромные вещи в моем гардеробе. Войдя, я сразу же закрываю за собой дверь, чтобы в это святилище не проник дождь. Она неожиданно громко хлопает.

Я оглядываю потрепанные кожаные стулья, высокий потолок, под которым лениво крутится вентилятор, выцветшие картинки и вырезки из газет, заключенные в рамки и развешанные по стенам, и незаметно улыбаюсь.

– Самое то, – бормочу я и обеими руками выжимаю волосы.

Ко мне подбегает маленький смешной пудель, и мне становится весело.

У стойки на высоких стульях сидят трое мужчин, позади нее маячат два бармена. Кроме них в баре никого нет. Лишь пустые столы со следами от стаканов, стулья и диванчики, которые у нас называют винтажными. Все пятеро мужчин смотрят на меня, усмехаясь моему плачевному виду. Я пристраиваюсь у стойки, чтобы не сидеть в одиночестве за столом, и смотрю на ламинированное меню, которое мне любезно пододвигают.

– «Маргариту»! – говорю я, наткнувшись на это название в списке коктейлей. Вполне уместный напиток в подобном заведении.

Дейзи наверняка бы здесь понравилось. Она любит простые и интересные места. И ненавидит все девчачье. Но в этом баре нет ничего женского. Это чисто мужское место, пропитанное тестостероном.

Рядом с баром я замечаю небольшой ресторанчик, в котором полно жующих людей. Звон их вилок эхом отдается под высоким потолком. Там я вполне могу поужинать, сидя за столом одна. Это ничем не грозит и будет достойным завершением моего сегодняшнего триумфа.

Пожилый бармен, по виду китаец, улыбается и кивает.

– «Маргариту»? Конечно, – произносит он на прекрасном английском и отдает команду своему молодому коллеге, который немедленно начинает колдовать с блендером, льдом, солью и стаканом.

И тут я начинаю вспоминать, как жила до замужества. В двадцать я наслаждалась жизнью и жила в полную силу. Работала, проводила время с друзьями, была веселой, общительной и свободной. Не испытывала горечи и не стремилась никому насолить.

При небольшом усилии мне удавалось воспринимать свою беременность как счастливую случайность, знаком перехода на новую ступень. Поначалу мы отнеслись к этому событию самым серьезным образом и начали увлеченно играть во взрослых. Крис поглаживал меня по животу и ворковал с ребенком. Я набивала шкафы всякими полезными продуктами и каждый вечер готовила ужин.

Будь у меня возможность вернуться в прошлое, я бы все изменила. Но ведь нам никто не говорит, что если нам нравится роль замужней женщины, потому что это что-то новое, объект наших усилий с радостью войдет в роль долгожданного мужа и станет дико раздражаться, когда вы устанете притворяться женщиной пятидесятих годов и захотите разделить с ним поровну скучные семейные обязанности. И сейчас, когда я слышу о чьих-то планах создать семью, мне хочется предупредить их об опасности. Дать единственно верный совет, а не просто спросить «А ты уверена?». Не быть одержимой идеей замужества. Начать жить вместе так, чтобы это могло продолжаться долгие годы. Удовольствие от произнесения слов «мой муж» исчезает гораздо быстрее, чем многие думают.

Мой горизонт сузился до предела. Внешний мир как бы перестал существовать. У нас была дочь, мы оба ее любили и не переставали удивляться тому новому, что она привнесла в нашу жизнь. Поначалу мы вместе меняли ей подгузники, мыли ее в ванночке, восторгались ее крохотными ноготочками и причудливыми завитками ее ушек. Я кормила ее грудью, разнежившись на уютном диване, а Крис приносил мне воду, шоколад и тарелки с тостами.

А потом он начал пропадать по вечерам. Уходил, чтобы выпить в баре, и возвращался все позднее и позднее. Жизнь вошла в привычную колею. Крис нашел скучную работу в банке, чему противился всеми фибрами своей души, ежечасно упрекая меня за это. Я готовила, мыла посуду и гладила, точно так же проклиная его. Иногда мы ездили отдыхать в жалких деревенских коттеджах и мокли под дождем, общаясь только с Дейзи или через нее. У нас редко водились деньги, но мы ничего не делали, чтобы их заработать. Мне было страшно тоскливо, но я не подавала вида и жила своими фантазиями. Я постоянно строила планы побега, но не пыталась их осуществить, зная, что Крис мечтает о том же и наверняка опередит меня. В конце концов, мы сделали это одновременно, причем с неожиданным энтузиазмом.

Я сижу у стойки и смотрю в забрызганное дождем окно. Моя одежда все еще не просохла и липнет к телу, волосы мокрые, а на улице по-прежнему льет. На этом континенте я не знаю ни единого человека. И только мужчины в баре худо-бедно могут сойти за знакомых.

– Откуда вы? – спрашивает меня усатый джентльмен, сидящий рядом.

– Из Англии, – отвечаю я, надеясь, что он не возненавидит меня как бывшую колонизаторшу. Именно этого обычно опасаются продвинутые англичанки, путешествующие за границей, и я уже жалею, что не сказала «из Великобритании», ведь к шотландцам и уэльсцам люди относятся лучше.

– Ах, из Англии, – просиял он. – А где вы там живете? В Лондоне? И за какую команду болеете? «Манчестер Юнайтед»?

Я вспоминаю, как Дейзи пыталась стать футбольной болельщицей, чтобы порадовать отца. И говорю то, что ей бы понравилось.

– Я болею за «Челси», – вру я, надеясь, что дальнейших вопросов не последует, поскольку я понятия не имею, кто там тренер или капитан, и не могу назвать ни одного игрока.

– «Стэмфорд Бридж», – добавляю я единственное, что приходит мне в голову.

– Вот оно что, «Челси», – кивает мужчина. – А я болею за «Астон Вилла».

– «Астон Вилла»? Неужели?

– Точно. Из Бирмингема. Знаете этот город?

– Я там была. Я живу не в Лондоне, а рядом, в городке, который называется Брайтон. Точнее, в Хоуве.

Я чуть заметно улыбаюсь. Этим словом местные жители называют участок к западу от границы между двумя городами, и он находится в миллионе световых лет отсюда, что меня несказанно радует.

Пожилой бармен, который оказывается владельцем заведения, проявляет впечатляющую осведомленность. Он распространяется о британской политике и королевском семействе. Интересуется, что я думаю о Тони Блэре и о том, кто его сменит. К своему стыду, я не в курсе малазийской политики и просто не знаю, что спросить у него. Тогда я решаю обратиться к религии.

– Большинство жителей мусульмане, но в Куала-Лумпуре кого только нет, – просвещает меня он.

А потом рассказывает историю своего бара, который существует уже много лет. Я просто теряюсь во всех этих перипетиях с коммунизмом и капитализмом и байках о перестрелках позади его бара.

Наконец мой коктейль готов. Я благодарно улыбаюсь и облокачиваюсь о стойку.

– Так вы проводите здесь отпуск? – чуть позже спрашивает бармен. – С друзьями?

Я глубоко вздыхаю. Очень хочется соврать. Что стоит ответить «да» и выдумать какого-нибудь друга или спутника.

«Говори правду, – инструктирую я себя. – Я никого здесь не знаю, и мне безразлично, что обо мне подумают».

– Я здесь одна, – честно признаюсь я. – У меня три недели отпуска.

Мой сосед выглядит смущенным.

– С друзьями? – переспрашивает он, оглядываясь, словно мои друзья могли спрятаться под стульями или за плотными шторами.

– Нет, – отрезаю я, потягивая чудесный кисловатый коктейль. – Я действительно здесь одна. Только что развелась, и моя дочь проводит каникулы с моим бывшим мужем. Мне захотелось интересно провести время, поэтому я здесь.

Мне всегда казалось, что подобные откровения совершенно неуместны в Азии и меня обязательно сочтут распутной женщиной. Но мужчины никак не отреагировали.

– Вы надолго в Куала-Лумпуре? – спросил владелец бара. – На весь отпуск?

– Нет, я хочу попутешествовать. К примеру, сплавать на острова.

Три месяца назад я еще боролась с собой. Дейзи проводила выходные с Крисом, а я невыносимо страдала от одиночества.

Крис поселился в маленькой холостяцкой квартирке, и каждый раз, когда его посещала Дейзи, я просто не находила себе места. Все стены в доме были увешаны детскими рисунками нашей дочери, хотя теперь она считала себя слишком взрослой для такого занятия. Мы с Крисом приклеивали каждый ее рисунок скотчем, и все они висели до тех пор, пока не скручивались и не выцветали. И точно так же мы никогда не снимали с камина ее школьные фотографии, так что они до сих пор там: целый ряд из Дейзи, начиная с четырехлетней малышки (такой трогательной, что я не могу удержаться от слез умиления) и кончая сегодняшней (с длинными волосами и мрачным выражением лица, несмотря на все старания фотографа заставить ее улыбнуться).

Просто невыносимо было сидеть дома одной, в то время как они с Крисом с увлечением проводили время вдвоем. В пять я решила пойти прогуляться. Раньше в это время я никогда не выходила из дома, потому что надо было готовить ужин и думать, как уложить ее спать. Теперь в это время я особенно по ней скучаю.

Перед выходом я немного выпила и приняла «Валиум», так, на всякий случай. А потом отправилась в центр города, попутно размышляя, чем бы себя занять. Я чувствовала приятное расслабление, и у меня возникла мысль посидеть на берегу, глядя на море, хотя уже наступила зима, шел дождь и было совсем темно. По дороге к морю я заметила, что в маленькой картинной галерее на Лейнс проходит вернисаж. Меня потянуло к людям, и я послушно пошла на свет и голоса. Взяв бокал с вином, я стала разглядывать абстрактные картины на стенах. В них преобладало белое и синее, и мне это нравилось. На такие картины можно смотреть без особого напряжения. Внутри было тепло, и окна запотели. Вокруг ходили приятные люди. Мне вдруг захотелось сигарету, хотя я никогда не курила.

– Эстер! – произнес кто-то, и я, испуганно вздрогнув, оглянулась.

– Зои!

Вот это встреча! Это была моя близкая подруга. Она чмокнула меня в щеку.

– Рада тебя видеть. Почему ты не сказала, что придешь?

– Да я не знала. Видишь ли... Дейзи сейчас с Крисом...

– Ты знаешь Джессику?

– Э... У каждого есть знакомая по имени Джессика.

– Художницу. Разве ты не знаешь, что она моя племянница? Она такая умница. А это Элли, ее сестра. – Зои схватила за руку невероятно красивую девушку лет двадцати и повернула ее к нам.

В результате я завтра утренним автобусом уезжаю из Куала-Лумпура.

Загорелая Элли была великолепна. Длинные волосы цвета меда и сияющие глаза. Глядя на нее, я почувствовала себя старой и жалкой. Вцепившаяся в бокал женщина, всеми порами источающая отчаяние. На мне было тонкое платье, мокрые волосы не успели высохнуть, и меня пробирала дрожь.

– Привет! – сказала Элли, развернувшись на высоких каблуках. В руке она держала маленькую бутылочку воды.

– Элли специально приехала на выставку Джессики, – объяснила Зои. – Она год прожила в Азии и с трудом возвращается к цивилизации. Помнишь, я тебе про нее рассказывала?

– Это вовсе не цивилизация, тетя, – возразила Элли, поджав губы. – Цивилизация там, откуда я приехала пять дней назад.

Она оглядела зал, где шумели подвыпившие посетители, и повторила:

– Уже пять дней.

– Так где же вы были? – поинтересовалась я, отчасти потому, что именно этого она ждала. Вдобавок мне самой было интересно, где то место, посетив которое, женщина может столь ослепительно выглядеть. В своих мечтах я уже готовилась туда поехать.

– В самом потрясающем месте на Земле, – со счастливой улыбкой сообщила Элли, и ее глаза так заискрились, что я сразу же ей поверила. – Это в Малайзии. Перхентианские острова. Совершенно волшебное место. Их два, но ехать надо на тот, что меньше. Перхентиан-Кесил. В его центре джунгли, настоящий девственный лес, а вокруг изумительные пляжи с хижинами, в которых можно ночевать. На берегу откладывают яйца черепахи. Причем уже несколько миллионов лет. Там всегда светит солнце, а в коралловых рифах резвятся рыбки, как из мультитика, и вполне дружелюбные акулы. На пляжах белый песок из кораллов. Такое впечатление, что вы вернулись в первобытное существование. Питаетесь рыбой, пьете пиво, если, конечно, достанете, ведь Малайзия мусульманская страна и там не пьют, как у нас. – Она выразительно посмотрела на мой бокал. – Вы лежите на спине и чувствуете, как солнце ласкает вашу кожу. Никто вас не беспокоит, все очень приветливы.

Элли смущенно улыбнулась. Вся эта суэта вокруг, звон бокалов и громкие разговоры явно шокировали ее и казались вульгарными.

– Извините. Это место меня просто заворожило. Во всех моих вещах еще сохранился песок. Но ничего, я скоро перестроюсь.

Я улыбнулась:

– Звучит заманчиво. Мне кажется, вам не надо перестраиваться. Перхентианские острова? Возможно, я туда поеду.

– Эстер недавно развелась, – зачем-то сообщила Зои.

Элли рассмеялась:

– Ну, тогда вам обязательно надо съездить. Азия вообще очень интересна, но эти острова что-то особенное. Мне так хочется туда вернуться. Я даже думала выйти замуж за местного, чтобы там остаться.

Мы с Зои тихо ахнули.

– Не делай этого, Элли! – взмолилась Зои.

– В результате вы будете мести там пол и рожать детей, – предупредила я девушку. – Для этого вовсе не нужно выходить замуж.

– Шучу. Послезавтра я уезжаю в Лондон, чтобы найти работу. Я собираюсь накопить денег и в следующем году провести там еще несколько недель. – Она снова рассмеялась: – Замуж? Это вряд ли.

Этот разговор запал мне в душу. Девушка была так счастлива и беззаботна, что мне захотелось того же, хотя я прекрасно понимала, что дело тут в ее молодости. Ближе к сорока даже такая красотка, как Элли, под бременем забот огрубеет и превратится в заезженную клячу.

Следующим вечером, налив себе привычную дозу, я села за компьютер. «Гугл», поправив мое правописание, сразу же выдал кучу фотографий Перхентианских островов.

Глядя на экран с песчаными пляжами и сверкающим на солнце морем, я чувствовала, как меняются мои планы на будущее. Передо мной открывались восхитительные перспективы, несколько эгоистичные, но оттого не менее соблазнительные. До меня вдруг дошло, что отправиться туда мне ничего не мешает. Все эти годы я понемногу откладывала на черный день, и у меня накопилась приличная сумма. Ее вполне хватит для поездки на острова. Крис хотел забрать Дейзи на пасхальные каникулы. Он никогда не уходил в отпуск летом, потому что ему нравилось сидеть в офисе одному, когда все родители разъезжались по кемпингам со своими обожаемыми детишками. Это давало мне три недели свободы. Сначала я пыталась об этом не думать, но острова преследовали меня во сне и наяву, и это продолжалось день за днем и неделя за неделей.

Я была абсолютно уверена, что в этом месте обрету счастье и уверенность в себе. Все будет прекрасно. И на большом острове, и вообще.

Через десять дней я среди ночи написала Крису сообщение: «Я планирую уехать на Пасху, так как ты хотел забрать Дейзи на все каникулы. Можешь это сделать, только отправь мне подтверждение».

Сообщение было отослано утром, в 9.32, чтобы придать ему чисто деловой характер. Я ожидала, что Крис будет долго торговаться и блефовать, чтобы просто лишний раз досадить мне. Ответ пришел только через три дня: «Согласен. Всегда рад провести время с Дейз. На всякий случай сообщи, куда и когда ты едешь».

Забронировав билеты в Куала-Лумпур и обратно, я написала ему на почту. Письмо было обстоятельным в той степени, насколько это позволял мой путеводитель, и должно было полностью удовлетворить любопытство моего бывшего.

В голове у меня промелькнула мысль, как бы он воспринял то, что я сижу в баре, передо мной уже вторая «Маргарита», а вокруг пятеро мужчин, проявляющих интерес к тому, что я говорю. Я даже представила, как он при этом улыбается, первый раз за все последние годы. Когда мы встретились, я была именно такой. И именно такая я ему понравилась.

– Перхентианские острова? – уточняет мужчина с усами, болельщик «Астон Вилла».

Я по очереди улыбаюсь каждому из присутствующих.

– Да, – подтверждаю я, удивленная его осведомленностью. – Перхентианские острова.

Звучит судьбоносно. Я направляюсь на небеса, где обрету перспективы, счастье и истинный смысл жизни. И все у меня будет прекрасно.

– Ага, – произносят они и понимающе улыбаются.

Владелец бара поворачивается ко мне. Сейчас он скажет что-то важное. Но я ошибаюсь.

– Если хотите здесь поужинать, – кивает он в сторону ресторанчика, – советую поторопиться. Кухня закрывается без четверти десять.

– Да, конечно, – говорю я. – А можно мне еще один коктейль?

Позже, не в силах уснуть из-за разницы во времени и нескольких «Маргарит», я стою у окна на своем десятом этаже и смотрю на город. Внизу тянется шоссе, которое я сегодня переходила под прикрытием двух местных жителей. Навстречу мне движутся белые огоньки, а красные удаляются прочь. Я гадаю, кто сидит в этих машинах и куда они едут. Огни на Петронасах повторяют изгибы этих величественных зданий, придавая им особое изящество. Пешеходный мост между ними тоже освещен. Сегодня днем я смотрела с него на свое окно.

Вряд ли мне удастся сегодня уснуть. Я буду всю ночь стоять у окна и любоваться этим городом. Тем не менее через несколько часов я проснулась в своей кровати с улыбкой на лице.

Глава 3

Я сижу на заднем сиденье обшарпанного желтого такси, где работает счетчик, что, как утверждает мой путеводитель, является хорошим знаком, потому что без счетчика вас здесь обдерут как липку. Глядя в окно на проносящийся мимо Куала-Лумпур, я начинаю фантазировать. Когда я вернусь сюда, побывав в раю, то буду совершенно другим человеком: счастливым, умудренным опытом, излучающим непоколебимую уверенность в себе. Не тощей теткой, как сейчас, а стройной элегантной дамой. Моя кожа будет сиять почти как в молодости. Тело нальется здоровьем, а отношение к Крису станет снисходительно-благоклонным. Вернувшись к Дейзи, я стану самой лучшей в мире матерью: видит Бог, девочка этого заслуживает. Чего бы мне это ни стоило. Буду заботливой, спокойной и мудрой. Такой, какую она и должна иметь.

Увидев за рулем женщину, я слегка удивляюсь, потому что на голове у нее хиджаб, закрывающий волосы. Он кажется мне символом подчинения мужчине, а ведь вождение машины – это своего рода власть над ней, и одно, на мой взгляд, противоречит другому.

Почувствовав мой взгляд, женщина искоса смотрит на меня и тотчас же, не улыбнувшись, отворачивается. Я бы здесь водить не смогла.

Мы выезжаем из города, и я вдруг понимаю, что мы едем не туда. Мне нужна автобусная станция, а на моей карте она находится недалеко от отеля. На счетчике уже тридцать девять ринггитов, что соответствует десяти фунтам, и это гораздо больше, чем должна стоить моя поездка.

Не робей, говорю я себе. Как бы там ни было, но мне пора вмешаться. Я наклоняюсь к водителю.

– Э-э, простите, – мямлю я, как комичная англичанка за границей, которая не удосужилась выучить ни единого слова на языке страны, куда она приехала, пребывая в святой уверенности, что все, кто общается с туристами, должны знать английский. – Автобусная станция? Автобус в Куала-Безут?

Недовольно кивнув, водительница продолжает рулить, и я понимаю, что меня везут вовсе не туда. Я пытаюсь протестовать, но она снова меня игнорирует, и мне остается только ждать, чем все это закончится, проклиная себя за робость.

Наконец мы въезжаем на пустынную стоянку, женщина глушит мотор и выжидающе смотрит на меня. Я в ужасе, и сердце у меня едва не выпрыгивает из груди.

– Это автобусная станция? – чуть слышно интересуюсь я.

Она кивает. Я покорно выхожу из машины и захлопываю дверь, слабо надеясь, что это то самое место и она меня здесь не ограбит.

Опустив стекло, женщина-водитель терпеливо ждет. Я вручаю пятьдесят ринггитов одной купюрой. Она дает мне сдачу и уезжает. Оставшись одна, я закидываю на спину рюкзак и пытаюсь сообразить, где могут быть автобусы. Но вижу лишь бетонные блоки и несколько машин, припаркованных неподалеку. Никаких признаков живых существ или общественного транспорта. Хотя, возможно, кто-то наблюдает за мной издали.

Все рушится. Я живу в Брайтоне и принадлежу только ему. Было очень наивно думать, что, приехав сюда в тридцать девять лет, я смогу самостоятельно путешествовать. Путешественник из меня никакой, и это уже не изменить. В молодости у меня никогда не возникало желания бродить по свету. Я для этого просто не гожусь.

Переступив через низкий барьер, я ухожу со стоянки и начинаю высматривать автобус на шоссе. Солнце безжалостно припекает голову. Вокруг никого нет, и я совершенно теряюсь.

Самое неудачное, что я могла сделать, – это сесть к другому таксисту, рискуя оказаться в очередной безлюдной дыре. Но именно так я и поступила. Он подошел ко мне и произнес:

– Привет! Не надо плакать. Куда вам ехать? – Улыбнувшись, он кивнул в сторону стоявшего за ним такси.

– Я жду автобус до Куала-Безута.

Таксист смеется и показывает на здание позади парковки:

– Там можно сесть на поезд до аэропорта или на автобус до Малакки. Хотите поехать в Малакку? Очень красивый город.

– Нет!

Шмыгнув носом, я стараюсь взять себя в руки. Здесь, по крайней мере, ходит автобус. Уже хорошо. Кто бы мог представить, что почтенная мать семейства из Сассекса будет сидеть и плакать перед таксистом из Куала-Лумпура? Наши дороги уж никак не должны были пересечься, и все-таки это произошло.

– Вам надо ехать до Путры, – говорит он так спокойно и уверенно, что я послушно следую за ним к машине, согласно кивая, потому что видела это название в путеводителе.

И вот я опять сижу на глянцевого пластика сиденье и смотрю, как бежит счетчик, в то время как мы той же дорогой возвращаемся в город. Впереди возникают башни Петронас и подернутый дымкой небосвод над панорамой гостеприимного города, и я говорю себе, что это неудачное приключение еще ничего не значит. В конце концов, любоваться городом из окна такси вполне безопасно и гораздо приятнее, чем трястись в автобусе дальнего следования.

Ну и глупая же ты, упрекаю я себя. Могла заказать авиабилет на внутренний рейс и была бы на месте уже через час. Там взяла бы такси и еще через час добралась бы до катера. Сейчас гуляла бы себе по острову. Вместо этого я, сидя в своем уютном домике в Хоуве, почему-то решила, что будет гораздо интереснее и круче путешествовать по суше и знакомиться с Малайзией изнутри. И что в итоге? Я даже не в состоянии добраться до нужной автобусной остановки.

Таксист что-то сказал, и я, не слушая, промычала что-то нечленораздельное. Такая уж у меня кухонная и материнская привычка.

– Простите? – все же переспросила я, наклоняясь вперед. – Вы не могли бы повторить?

Таксист кивнул.

– Я говорю, что могу довезти вас до Куала-Безута. До самого места. Тысяча ринггитов. Согласны?

О Господи!

– Нет, – твердо и решительно отрезаю я. – У меня нет тысячи ринггитов. Пожалуйста, отвезите меня к автобусной остановке.

– Но вы же согласились! Вы сказали «м-м».

– Это не означает «да», – замечаю я.

Таксист пожимает плечами:

– Ладно. А сколько вы хотите заплатить?

– Я хочу заплатить за автобусный билет. Потому что я поеду на автобусе. У меня нет денег, чтобы кататься на такси по всей стране.

– Восемьсот?

– Нет!

– О'кей. Семьсот. Это хорошая цена.

Я смотрю в окно, надеясь, что мы еще не мчимся в сторону восточного побережья.

– Послушайте, – жестко начинаю я. – Если вы не хотите везти меня на остановку, то высадите прямо здесь, и я заплачу по счетчику.

При взгляде на счетчик у меня перехватывает дыхание. На нем число семьдесят четыре. Когда я смотрела на него в последний раз, он показывал семь. Первое такси обошлось мне в сорок один ринггит.

– Ваш счетчик слишком много накрутил, – заявляю я, размышляя, не стоит ли устроить скандал. Надо показать ему, что со мной этот номер не пройдет.

Таксист мрачно разглядывает меня в зеркале заднего вида:

– Это же очень далеко.

Достав телефон, я делаю вид, что фотографирую стикер на внутренней стороне окна, в котором говорится, куда сообщать о нечестном водителе. Я ищу контактный номер, но там его нет, и мне приходится довольствоваться адресом электронной почты.

Водитель продолжает пристально меня изучать. Лицо его по-прежнему сурово. Я делаю то же самое, но что толку, ведь я полностью в его власти и даже если выпрыгну из машины, мой рюкзак останется у него в багажнике.

– Мы почти приехали, – бросает он.

Я пришуриваюсь, но он вряд ли это заметит. Остаток пути мы оба молчим.

Потом он вдруг останавливается на обочине и, выскочив из такси, идет к багажнику. Бросив взгляд на счетчик, я обнаруживаю там все восемьдесят и пытаюсь открыть дверцу со стороны тротуара. Она не поддается, и мне приходится выйти на проезжую часть, где с гулом проносятся машины, заставляя мои волосы шевелиться от ветра. Хотя дома я ужасно боюсь попасть под транспорт, здесь это не самая главная из моих проблем.

Я хмуро сую таксисту деньги, и он без зазрения совести хватается их у меня из рук. И тут я изумленно замечаю, что стою совсем рядом с автобусной станцией. Закинув на спину рюкзак, я быстро забываю, как позорно провалила такое простое дело, как посадка на автобус. Кстати, мой отель находится рядом и отлично виден отсюда. Но все же я в конце концов на месте, сейчас только 10.20, и на автобус я не опоздала. Все остальное не имеет значения. О том, сколько всего я могла закупить на так бездарно потраченные деньги, я стараюсь не думать.

Автобусная станция выглядит основательно: бетонные стены, ряды пластиковых стульев и вереница касс, где продают билеты на самые разные направления. Плиточный пол покрыт пылью. Большинство пассажиров явно местные. Будь здесь иностранцы с рюкзаками, я бы немедленно к ним подошла и заговорила.

Я невольно улыбаюсь, несмотря на все свои невзгоды. Когда мы с Крисом были счастливы вместе, нам никто не был нужен. Мы с радостью скрывались от окружающего мира в своей собственной маленькой вселенной. Оба мы не слишком общительны и не умеем общаться с незнакомыми людьми. Но теперь, вся в пыли, трезвая и потрясенная открытием, что я никудышный путешественник, я бы с легкостью заговорила с кем угодно.

Электронное табло сообщает, что автобус в Куала-Безут отправляется через десять минут. Найдя нужную стойку, я терпеливо стою рядом, дожидаясь, пока женщина в хиджабе закончит говорить по телефону.

Тем временем я пытаюсь взглянуть на себя со стороны. На мне длинная юбка-батик, купленная вчера, ярко-розовая с коричневым цветочным орнаментом, черная майка и пара розовых шлепанцев. Волосы, стянутые лентой, не падают на лицо. В общем, я выгляжу как завязанная путешественница. Да я такая и есть. Крису мой вид наверняка бы понравился. Скоро, я уверена, мы перестанем дуться друг на друга. Он и сейчас, вероятно, доволен, что мне хорошо.

Женщина вопросительно смотрит на меня. Ее лицо открыто и вполне приветливо.

– Слушаю вас.

Интересно, каково это – все время носить хиджаб? Он заботливо прикрывает каждый волосок, делая ее голову округлой и гладкой, как у матрешки. Он туго стянут под подбородком, не давая выбиться ни единой прядке. Мне хочется спросить у нее, что же такого постыдного в волосах? Так и не поняв, я машинально дотрагиваюсь до своей головы. У меня волосы коротко пострижены и ежиком торчат на макушке. Вероятно, эта женщина считает меня наглой и бесстыжей. А сама она покорная и подневольная? Кто его знает, ведь пока мы не обменялись и парой фраз.

– Здравствуйте! – приветствую ее я, сожалея, что не знаю ни слова по-малазийски. – Могу я купить билет на автобус в Куала-Безут, который отходит в десять тридцать?

Она кивает, берет из пачки билет и начинает заполнять его одноразовой шариковой ручкой, одновременно звоня по телефону, потом качает головой и откладывает билет:

– Извините, но мест уже нет.

– Как нет? Не может быть! – говорю я, кусая губы.

Что за чушь я несу? Конечно, может.

– Сожалею. Может, вас устроит ночной автобус в девять вечера?

Этот вариант меня не слишком вдохновляет. Проклятый таксист.

– А что-нибудь еще у вас есть?

Женщина пожимает плечами. Я смотрю на направления, вывешенные в окошке ее будки. Одно из них мне вроде подходит.

– А как насчет этого места? Куала-Теренггану, – с трудом произношу я. – Это ведь в той же стороне? В нужном направлении?

Она кивает:

– Автобус отходит в одиннадцать пятнадцать. Идет шесть часов.

Я покупаю билет до этого неведомого места и сажусь на один из шатких пластиковых стульев, прикрепленных к железному стержню. Рядом со мной сидит женщина с огромным чемоданом от Луи Вьюиттона. Вынув изо рта сигарету, она улыбается, когда я бросаю свой жалкий рюкзак по соседству с ее шикарным багажом.

– Привет! – говорит она.

– Привет! – отвечаю я и достаю путеводитель, чтобы посмотреть, что это за место, куда я отправляюсь.

За окном проносится Малайзия. Сначала тянется пригород Куала-Лумпура, который вскоре сменяется лесом. Я никогда не видела такой яркой зелени. Настоящие джунгли с высокими и низкими пальмами и прочей тропической растительностью. Через некоторое время до меня доходит, что подобный пейзаж будет сопровождать меня все шесть часов. Меня веселит, что я еду на автобусе одна, что приехала сюда самостоятельно и нахожусь за тысячи миль от своей обычной жизни. Мне нравится быть в движении. Это означает, что я нахожусь в постоянном отрыве и совершенно свободна.

Последнее время я вела себя отвратительно, но сумела порвать со своим прежним существованием. И это так здорово.

Пока я не очень скучаю по Дейзи, потому что приучила себя обходиться без нее, когда она уходит к Крису. Поначалу это было просто ужасно, но сейчас я уже достаточно закалена и могу без истерик переживать разлуку. Она же со своим отцом, уговариваю я себя, и это вполне нормально.

Ведь я любила его. Была благодарна ему за Дейзи. Мне нравилось, что он такой же разгильдяй, как и я, и мы вместе импровизируем на тему семьи.

Наша свадьба была совсем скромной: мы расписались в Брайтоне, после чего устроили вечеринку в рыбном ресторане. Все прошло замечательно. Все, кроме меня, напились, а я уже была на большом сроке. Я поборола все свои дурные предчувствия, и то же самое сделал Крис.

Автобус продолжает свой путь. Я листаю путеводитель, потом достаю книгу, но и она не занимает меня.

Через несколько часов мы останавливаемся на обед. Солнце жарит, везде пыль, а малазийский вариант общественного питания оставляет желать лучшего. В низком бетонном здании, раскрашенном в ярко-голубые и желтые тона, теснится множество прилавков, выходящих во двор, где расставлены длинные столы. Сбежав в туалет, я наугад заказываю какую-то еду, тыча пальцем в меню. Все хорошо. Хотя я не там, куда собиралась, и еду не туда, куда планировала, чувствую я себя вполне уверенно. Направление, во всяком случае, выбрано верно.

Глава 4

Кэти

Май 1988

Божья обитель

Что-то явно затевается. Пока не знаю что, но когда все будет готово, нам обязательно скажут. Мне не терпится поскорее узнать. И Филиппу тоже. Мы перешептываемся, стараюсь угадать, что это будет. Я люблю Филиппа. Это непросто, но я ни за что не отступлюсь. Мы собираемся пожениться, когда немного подрастем, и я буду хорошей женой. Это мое призвание, о котором я всегда знала.

Очень хочется, чтобы эта тайна чего-то стоила и помогла бы мне принять свою судьбу. Я на это отчаянно надеюсь.

Мне кажется, что от нас нарочно что-то скрывают, и стараюсь как можно лучше выполнять свои обязанности. Хожу в школу, посещаю воскресные занятия в церкви, изучаю Библию и пою в хоре, словно ничего не происходит. И одновременно стреляю вокруг глазами в поисках ключей к разгадке. Пожалуйста, шепчу я про себя. Ну, пожалуйста, пусть это будет что-то важное, способное изменить мою жизнь.

Потому что сейчас моя жизнь сосредоточена на мне самой. Скоро у меня не будет другого выбора, кроме как забыть все свои идеи и причуды и принять то, что уготовано мне Богом.

У меня скоро экзамены на аттестат зрелости, после чего я навсегда расстанусь со школой. Первый экзамен уже на следующей неделе, это будет физика. А последний, английский язык, семнадцатого июня. Вряд ли я буду скучать по школе, и тому есть несколько причин. Здесь все считают меня странной и смеются над моими убеждениями. Я вижу, как учителя стараются удержаться от улыбки, когда мы с Филиппом и Мартой пытаемся изложить или объяснить свои принципы. Это чудовищно непрофессионально. Смеяться над подростками, исповедующими какой-либо религиозный культ (а мы, кстати, не слишком фанатичны), – самый верный способ привлечь к ним еще больше сторонников.

А вот по учебе я буду скучать. Я намерена получить аттестат с уровнем «А», хотя и молчу об этом. Ведь Господь этого явно не одобрит. Кроме того, если я его не получу, то останусь дома, где все меня понимают. Когда я прихожу домой, где можно отгородиться от мира, то чувствую такое облегчение, словно погружаюсь в теплую ванну. И если вся моя жизнь пройдет на этой безопасной территории, я буду просто счастлива. Я честно стараюсь в это верить. Мне ничего не остается, как смириться со своей участью. Если же ты не смиришься, тебе придется плохо. Виктория осознала это слишком поздно, и то, что с ней случилось, еще раз убеждает меня, что лучше безропотно принять выпавший мне жребий.

На все, что происходит с нами в школе, у Кассандры, моей матери, всегда один ответ: «Господь испытывает нас». Мне это уже изрядно надоело. Я слышу это с раннего детства, как и то, что «Иисус все знает, Кэти. Он видит, как ты страдаешь во славу Божью». Но я порой думаю, а так ли это на самом деле? Однако молчу, потому что здесь не принято сомневаться в том, что говорят взрослые, или обсуждать Христа. Поэтому лучше прикусить язык и не нарываться на неприятности.

Раньше я удивлялась, что Моисей и остальные разрешают нам ходить в школу, но Виктория, которая была тремя годами старше, объяснила: «Мы ходим в школу всего несколько лет, Кэти, а до этого учились дома. Но сейчас муниципалитет держит все под контролем, а наши писают кипятком от злости. Все это их так достало, что они сочли школу меньшим злом».

Я поперхнулась, когда услышала от нее такие вульгарные выражения. У нас в общине подобные словечки не в ходу. Правда в школе я слышала кое-что и похлеще, но там был чуждый нам мир с другими правилами.

Виктория продолжала неприлично выражаться, а потом умерла. После того как она произнесла в общине слово на букву «е», я знала, что она обречена. Ее наказал Бог. Община напечатала в газете некролог. Там не говорилось, что Бог покарал ее за грязные ругательства и плохое поведение. Просто написали, что она ушла к Иисусу, и на этом все.

Мне придется поработать в общине, а через пару лет я выйду замуж за Филиппа, и мы останемся здесь навсегда, трудясь во славу Господа Иисуса.

(Правда, я не совсем уверена, что хочу этого.)

Ночью, лежа на кровати в общежитии для девочек, я ужасаюсь, что такая мысль могла прийти мне в голову. Ведь Бог накажет меня за это. Хотя я никогда не ругалась, как Виктория, и не дружила с плохими ребятами. Раз Бог наказал ее, то и меня может постигнуть та же участь.

Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется повидать мир. В конце концов, он ведь тоже Божий. Каждый день я борюсь с желанием попроситься на волю. Это, конечно, глупо, ведь я отлично знаю, каким будет ответ. Я нарушаю Божью волю, и это большой грех. Если бы они знали, о чем я думаю по ночам, накинулись бы на меня, как ястребы.

Я лежу на кровати, глядя на тени от уличного фонаря, играющие на потолке. Другие девочки – Марта, Ева и Даниэла – уже спят. Марта моя ровесница (точнее, она старше на одиннадцать дней), так что мы все время проводим вместе, хотя и недолюбливаем друг друга. Другие две девочки младше, и мы должны за ними присматривать.

Мне хотелось бы вести дневник. Нам это разрешают лишь с условием, что его будут читать родители. Но раз они хотят видеть там только наши деяния во славу Господа и на благо общины, идея дневника теряет всякий смысл. А я хочу писать о своих тайных мыслях, страхах и мечтах о свободе.

С подругой мне стало бы гораздо легче. Виктория была такая забавная, жаль, что ее нет в живых. Она была постарше, но мы привязались друг к другу, и она меня часто смешила.

Теперь у меня есть Марта, толстая скучная девица. И Филипп. Я в него влюблена, мы поженимся, и у нас будут дети. Но ведь это не закадычная подруга (и я не совсем уверена, что люблю его, как положено). В школе есть пара девочек, которые мне нравятся – особенно Сара, но нам запрещают дружить с чужаками. Так что я полностью замкнулась в себе. Иногда мне кажется, что Моисей с большим неудовольствием читает мои мысли. И я смущенно отворачиваюсь под его осуждающим взглядом.

И все же в воздухе витает что-то загадочное, и все мои надежды связаны именно с этим. Родители замолкают, когда им кажется, что мы их слышим. Возможно, к нам приедут новые люди. И они будут какими-то необычными.

Девочки уже спят. Тени на потолке чуть заметно шевелятся – они от веток, качающихся на ветру. Буду просто лежать и смотреть на них, пока не усну.

Глава 5

– Привет!

Двое парней лихо проезжают мимо меня на мотоцикле, а может, на мотороллере. Тот, что сзади, машет мне обеими руками.

– Привет! – отвечаю я, продолжая идти.

Если бы я была мэром этого города, то первым делом выровняла бы тротуары и прикрыла все дыры, которые, как я понимаю, играют роль стоков и канализации. Я непременно туда провалюсь. Такое обязательно случится: одинокая белая женщина бесплатно повеселит публику, провалившись в дыру с дерьмом.

Надо мной пикируют сотни птиц, демонстрируя чудеса воздушной акробатики. Наверное, ловят москитов. Надеюсь, это так: здесь настолько жарко и влажно, что с меня градом льет пот. Рай для москитов. От одной этой мысли у меня все начинает зудеть.

Я продолжаю идти, уставившись в асфальт. Плечи безжалостно оттягивает рюкзак, и я тщетно пытаюсь стать незаметной. В путеводителе Куала-Теренггану именуется «красивым рыбацким городком», но красоты я пока не замечаю. Бетонная автостанция вполне функциональна, но набита народом. Рядом с ней «Макдоналдс» и «Ки-Эф-Си» вполне европейского вида, но предназначены они только для пассажиров автобуса. По мере удаления от этого транспортного узла обстановка становится все более аутентичной.

Похоже, я на верном пути – дорога ведет к морю. На его берегу должен находиться отель «Морской вид», о котором вполне доброжелательно отзывается мой путеводитель. Я собираюсь снять там номер, насладиться морскими видами и наконец перевести дух.

– Привет! – кричит уже другой парень, несущийся на мотороллере с приятелем.

Все местные женщины закутаны с головы до ног. А моя экипировка уже не кажется такой скромной, как дома.

– Привет! – отвечаю я, переживая, что выгляжу ужасно бесстыжей и распутной. Хотя вряд ли они рассматривают меня как сексуальный объект, ведь мне тридцать девять, а им лет семнадцать. Я уж точно старше их матерей.

Навстречу мне идут три девушки-подростка в светлых хиджабах. Я пытаюсь улыбнуться, и одна из них застенчиво улыбается в ответ.

– Привет! – говорит она. – А вы откуда?

– Из Англии.

– О, из Англии, – вступает другая. – Вам нравится Малайзия?

– Да, очень.

– Добро пожаловать!

И они очень мило хихикают.

Вместо отеля «Морской вид» стоит здание, явно не тянущее на отель. Убогое строение из коричневого кирпича с решетками на окнах, рядом с которым сидят несколько мужчин. Я продолжаю идти, но море уже совсем рядом, а вокруг никаких признаков отеля.

Я разворачиваюсь и иду обратно. По-прежнему никакого пристанища. Я вся мокрая, изнываю от жары и мечтаю поскорее избавиться от рюкзака.

Наконец мне попадается грязноватый бизнес-отель. Путеводителю я больше не доверяю, а потому тащусь туда, надеясь, что бизнес-отель – это не прикрытие для чего-то похуже. Мне удастся избежать падения в сток, и хотя меня атакуют тучи москитов, я надеюсь, что это всего лишь плод моего больного воображения.

Бизнес-отель оказывается вполне бюджетным, а на вопрос о свободном номере портье только смеется. У меня такое впечатление, что я могу снять по свободному номеру для каждой вещи в моем рюкзаке, и отель все равно останется полупустым. Портье вручает мне ключ

с огромным куском пластика и показывает, где лифт. И вот я уже на восьмом этаже в своем номере. Этот крохотный кусочек Куала-Теренгану забит мебелью, а из окна открывается вид на город и узкую полоску моря. Я подхожу к окну, чтобы посмотреть на птиц, которые продолжают носиться в свинцовом небе, но быстро отступаю назад – окно чем-то вымазано прямо на уровне глаз. В это окно уже кто-то смотрел, испачкав его соплями или слюной. Похоже, убираются здесь не слишком усердно.

Я иду к кровати, стараясь не думать, когда на ней последний раз меняли белье. Ванная комната выглядит вполне сносно, но я все равно протираю стульчак салфеткой.

Мне страшно хочется есть. Несмотря на огромную порцию риса с карри, я зверски проголодалась, хотя весь день ничего не делала, только сидела в автобусе и переживала. Даже подозрительные следы на стекле не смогли отбить мне аппетит. Чуть поколебавшись, я решаю выйти и прогуляться по городу.

Мой вероломный путеводитель утверждает, что в этом сугубо мусульманском городишке есть ресторан «Золотой дракон», где можно выпить пива. Сейчас оно будет весьма кстати. С трудом запомнив маршрут, я хватаю рюкзак и выхожу из отеля.

На улице темно и страшно. Я ковыляю по тротуару, старательно обходя порталы канализации. Еще одна парочка парней на мотороллере, увидев меня, притормаживает и кричит «Привет!». Я отвечаю на приветствие, но стараюсь на них не смотреть: кто знает, чем это обернется в городе со столь строгой религией.

За углом, на пустынной улице, происходит то же самое, и я снова неохотно отвечаю. Однако на этот раз парнишка на заднем сиденье плюет мне под ноги, и они со смехом газуют.

Я останавливаюсь на ненадежном тротуаре, стараясь прогнать слезы, и проклиная себя и этих мальчишек. Внезапно меня осеняет, что все эти «приветы» были насмешкой. Здесь все меня ненавидят, хотя я в длинной юбке, руки у меня закрыты и веду я себя вполне прилично. Но они, похоже, догадываются, что я выпиваю и занималась сексом, не будучи замужем. Для них это разврат, и они не скрывают своего презрения.

Не дожидаясь дальнейших неприятностей, я разворачиваюсь и возвращаюсь в отель. Безопасность важнее пива.

Ресторан при отеле, безликий и ободранный, совершенно пуст. Мне вдруг до ужаса хочется чего-то родного и знакомого, и я заказываю то, что в меню именуется «фиш энд чипс». Рыба в сухарях по вкусу напоминает картон, но чипсы очень даже неплохие и их много. Я выпиваю стакан «Севен Ап», чего раньше никогда не делала, плачу по счету и иду спать.

Белье на кровати явно не первой свежести. Я слушаю, как под окном проезжают редкие машины, и размышляю, какого дьявола меня сюда занесло. Мне хочется все бросить, но я уже слишком далеко зашла. Я не плачу, а лишь тихонько поскуливаю: надо поскорее уносить ноги.

Взяв смартфон, я начинаю пересматривать фотографии Дейзи – своей разумной основательной девочки, гораздо более практичной, чем ее мать, а потом засыпаю с мыслью, что хочу домой, к своей семье и Крису, за которого, несмотря ни на что, снова хочу замуж.

Глава 6

Выйдя из автобуса на солнечный свет, я громко смеюсь. На меня смотрят, но мне наплевать. Именно за этим я сюда и приехала. Горе сменилось радостью: я сумела вырваться из той проклятой дыры, и теперь я у цели – в пропахшем солью и прожаренном солнцем Куала-Безуте, у ворот Перхентианских островов.

Не переставая смеяться, я замечаю женщину европейского вида в открытом кафе рядом с остановкой автобуса. Она с улыбкой смотрит на меня. Я улыбаюсь в ответ. У женщины короткие темные волосы и большие черные глаза. На ней белая рубашка, длинная юбка из батика и шлепанцы. Все, как у меня. И она моего возраста. Наконец-то я встретила кого-то своего. Женщина опускает глаза на почтовую открытку, на которой она что-то писала, и снова улыбается.

– Вон там можно купить билеты, – объявляет кондуктор, указывая на крытую бетонную галерею со множеством киосков, где продаются саронги и цветастые пляжные полотенца.

Я иду в кассу за молодым человеком из Шотландии, Эдвардом, который в автобусе сидел через проход от меня. Он пропускает меня вперед, но я отказываюсь: нечего держать меня за старуху. В конце концов, мне нет и сорока.

Мы уже пообщались в автобусе, и я знаю, что Эдвард веселый, беспечный и разговорчивый. Это мой тип мужчин. На вид ему лет тридцать. Я смотрю на его стройные ноги в шортах цвета хаки и слушаю, как он покупает билет на катер, идущий к острову, у раскованной и очень дружелюбной кассирши. Симпатичный парень, думаю я, улыбаясь своим мыслям, которые балансируют где-то между материнским и чувственным восхищением.

– Куда именно вам надо на острове? – спрашивает кассирша, откинувшись на спинку стула и положив ноги на соседний стол.

– Лонг-Бич.

Она кивает и берет деньги.

– Позвоните нам накануне отъезда, – инструктирует она его.

Я тоже беру билет, вибрируя от волнения:

– До Райской бухты, пожалуйста.

Мне хочется петь. Я вся трепещу от счастья. Жаль, что нельзя законсервировать это состояние в бутылке, а потом открывать ее по мере надобности.

Катер отходит в половине второго. А сейчас, если верить шатким часам на стене, уже около часа. Я сажусь за белый столик и снова улыбаюсь той женщине, пытаюсь определить ее национальность. Волосы у нее пострижены не по-английски: слишком коротко и геометрично. Скорее всего, она немка или голландка.

Но тут она наклоняется ко мне и спрашивает с безукоризненно английским произношением:

– Вы на катер в час тридцать?

– Да. А я думала, вы голландка.

– Всю жизнь прожила в Лондоне, – смеется она. – Но будем считать это комплиментом.

А вы откуда?

– Из Брайтона.

– О, чудесно. Я там, конечно, бывала. Все лондонцы ездят на побережье. Не такая идиллия, как здесь, конечно. Где вы собираетесь остановиться?

– В Райской бухте. Мне рекомендовала это место племянница подруги.

– Звучит очень мило. Значит, едете наобум. А я выбрала более популярное место. Коралловая бухта. На какое-то время, конечно. Вообще-то я собираюсь просто помотаться по стране и ездить куда заблагорассудится, – улынулась женщина. Улыбка у нее теплая и очень милая. – Меня зовут Кейти.

– Эстер.

Не знаю, надо ли обмениваться в таких случаях рукопожатиями, по-моему, это слишком официально. Она возвращается к своей открытке, а я иду к стойке и заказываю обед.

Через десять минут я уже ем острый рис с овощами и пью теплую воду, отдающую пластиком. За соседним столиком появляются трое молодых людей, которые сразу же заговаривают со мной. Это Пьет из Голландии, красивый мужчина, представившийся как Джон Андерсон из Канады, и Эдвард, после нескольких часов знакомства считающий себя моим старым другом. Они непринужденно болтают со мной, словно я их ровесница, а я тешу себя мыслью, что они просто не замечают нашу разницу в возрасте.

Кейти по-прежнему сидит за соседним столиком с другой стороны, но теперь что-то увлеченно записывает в дневник и в разговоре не участвует. Даже хорошо быть немного постарше. Можно уже не стараться понравиться окружающим.

Передо мной лежит билет на Перхентианские острова. На нем изображен залитый солнцем пляж. Я все время тереблю его в руках, не в силах скрыть свой восторг.

– Сколько времени вы здесь проведете? – вежливо интересуется голландец.

Это высокий крепкий парень, очень воспитанный и любезный.

– Всего три недели, – отвечаю я, стараясь не думать, что скоро мне придется проделать весь этот путь обратно.

Все трое сочувственно улыбаются, и я спешу оправдаться.

– Конечно, трех недель недостаточно, – говорю я смиренно, словно столь краткое пребывание нарушает неписанные правила. – Но я работаю и у меня дочка, так что удивительно, как я вообще сюда вырвалась.

– Вау! – восклицает Джона. – Тогда понятно. А можно поинтересоваться, где ваша малютка?

Джона – типичный ладно скроенный канадец из тех, кто рано или поздно попадают в Голливуд, где сходят за американцев. У него темные волосы и квадратный подбородок. И я невольно вспыхиваю, когда он обращается ко мне.

– Конечно, можно. Она уже большая, ей десять. И сейчас она с отцом. Мы с ним расстались.

– О, как жаль!

Я усмехаюсь. Он так старается быть джентльменом.

– Ничего страшного, – успокаиваю я его, и здесь мне и вправду так кажется. – Так лучше для всех, уверяю вас.

– Вы просто молодец, что сюда приехали, – заключает Джона.

Я сгребаю ложкой остатки риса. Как только моя тарелка пуста, мимо проходит кассирша, которая громко командует:

– Прошу всех на катер!

Теперь я чувствую, что не зря провела ужасную ночь в Куала-Теренгану. Катер у нас быстроходный. Как только мы выходим из бухты, капитан (или как называется тот, кто управляет катером) дает газу и катер летит по воде. Все пассажиры в спасательных жилетах. Дома я была бы в панике. Вцепившись в поручни, я бы зажмурилась, ожидая, что мы вот-вот перевернемся и утонем. Сейчас же я во все глаза смотрю на остров, темнеющий впереди, и так широко улыбаюсь, что у меня сводит скулы. Каждый скачок катера приводит меня в восторг, мне нравится, что рев мотора заглушает голоса. Всякий раз, когда мы преодолеваем большую волну, в лицо мне летят мелкие брызги. На катере пятнадцать пассажиров, включая Кейти и троих молодых людей, с которыми я только что познакомилась. Все сидят, не спуская глаз с конечной цели нашего путешествия. Здесь несколько австралийцев, и среди них чудотворный

коротышка, попытавшийся подсесть ко мне, но сразу же слинявший, когда я попросила соседа отодвинуться на случай, если меня затошнит. Больше всего среди пассажиров немцев. Они дружелюбны, современные, но есть в них нечто пугающее.

На подходе к острову я понимаю, что у меня все получилось. С того самого момента, когда я в галерее встретила Элли, я работала над осуществлением своей мечты: Райская бухта на острове Кесил Перхентианского архипелага. Я забронировала домик, и вот я здесь. Яркое синее небо, ослепительное солнце и нестерпимый блеск волн.

Вскоре мотор затихает, и катер идет вдоль берега. Первая остановка – Коралловая бухта, по песчаному берегу которой рассыпаны живописные бунгало. У меня захватывает дух. Это наиболее обжитая часть острова, но очень красивая, и я бы не отказалась здесь поселиться. На пристани, прямо на солнце, свалена гора продуктов, включая коробки с яйцами. Остается надеяться, что вскоре их перевезут в более прохладное место. Рядом с пристанью на волнах качаются небольшие катера, на некоторых виден знак «такси». Люди лежат на пляже с книжками и сидят в кафе. Слева множество красивых бунгало с высоким зданием посередине.

С катера сходят пятеро туристов, и среди них Кейти, которая, улыбаясь, кричит мне:
– Мне понравилось, как это звучит – Райская бухта, возможно, встретимся там!

Мы поворачиваем и направляемся к северной части острова. Пляжи чередуются с высокими скалами, торчащими из воды, а за ними просматриваются джунгли. Весь остров покрыт густым лесом. Мы проплываем мимо пары пустынных пляжей, где наслаждаются отдыхом один-два человека. Все так чудесно – глаз не оторвать.

В крошечном курортном местечке под названием «Лагуна» с катера сходят еще трое. Их встречает лодка, в которую они сбрасывают рюкзаки. Потом мы останавливаемся у Лонг-Бич: скопление бунгало на длинном пляже, усеянном снаряжением для подводного плавания. Эдвард, Джона и Пьет весело кричат мне «до свидания». Надеюсь, мы еще встретимся. Катер плывет к другому острову. Он побольше, и инфраструктура там получше. Там тоже сходят несколько туристов. На катере из пассажиров только двое – я и молоденькая японка. Ее мы оставляем в рыбацкой деревне, в которой явно обитают местные: там есть административные здания, магазины и школа.

Теперь нас только двое, капитан и я.
– Вам в Райскую бухту? – спрашивает он.
– В Райскую бухту, – подтверждаю я.
– А приятель у вас есть? – равнодушно интересуется он.
– Да, – автоматически отвечаю я.
Он пожимает плечами и смеется.

К катеру с берега подплывает маленькая лодка. Забравшись в нее, я жду, когда мне скинут рюкзак.

– Спасибо! – кричу я капитану.
Махнув мне рукой, он разворачивает катер.
– Вы Эстер? – спрашивает подобравший меня мужчина.
– Да, – подтверждаю я, довольная, что моя бронь никуда не делась.

Лодочник пристает к песчаному берегу и машет рукой, чтобы я сошла первой. Неуклюже перелезая через нос, я смотрю на открывшийся передо мной пейзаж. Изумительный песчаный пляж, деревянные бунгало, окружившие живописное кафе, перед которым полыхает пурпурная бугенвиллея. В ее тени лежат двое. В воздухе разлит аромат моря и цветов. Наконец-то я обрела рай.

Я откидываю со лба волосы, перелезаю через веревку и плашмя падаю в воду.

Поднявшись, я вижу, как все надо мной смеются: и лодочник, и мужчина на берегу, и загорающая парочка. Это действительно смешно, и я начинаю смеяться вместе с ними. Случись это дома, мне было бы не до смеха, но здесь мне все нипочем.

– Спасибо! – благодарю я лодочника.

– Приятного путешествия! – откликается он, и все опять смеются.

Я замечаю, что инстинктивно держала свою холщовую сумку над водой. Очень разумно с моей стороны.

– Добро пожаловать в Райскую бухту, – добавляет лодочник.

– Спасибо, большое спасибо, – улыбаюсь я ему.

Интуиция меня не подвела. Это место мне идеально подходит. Я буду жить в маленьком деревянном домике на сваях, который несколько скромнее, чем те, что на берегу. Он стоит на холме между скалой и джунглями. Вокруг тишина, нарушаемая лишь стрекотом насекомых. Шум моря заглушает скала. В домике есть веранда с гамаком и столиком с двумя белыми стульями. С нее открывается вид на пляж и еще два бунгало. В воздухе разлит зной.

Внутри только стол, стул и кровать с пологом из москитной сетки. Я скидываю рюкзак рядом с кроватью, переодеваюсь в бикини и обертываюсь саронгом. Потом намазываюсь защитным кремом, надеваю соломенную шляпу и сую ноги в шлепанцы. Беру книгу и устремляюсь на пляж.

Сейчас три часа дня. Я продумываю план на оставшееся время. Пока не стемнеет, буду валяться на пляже и читать. Потом пойду в кафе и буду сидеть там одна, уверенно и беззаботно. После чего отправлюсь спать. Завтра эта процедура повторится, потом еще и еще, пока не станет моим образом жизни.

На пляже я почти засыпаю, но пронзительный женский крик возвращает меня к реальности.

Я зеваю и прищуриваюсь. Крик доносится со стороны моря. Но когда я поворачиваюсь и озираюсь, крик сменяется мужским смехом – это говорит о том, что ничего страшного не произошло.

В воде плещется парочка. Он высокий, темноволосый и мускулистый. Она маленькая фигуристая блондинка. Оба яркие и загорелые. Здесь они выглядят несколько чужеродно. Такой парочке надо бы резвиться на Карибах, там, где на них охотились бы папарацци. А здесь одни заурядные рюкзаки.

Они занимаются тем, что таблички в бассейнах неодобрительно именуют «сексуальными играми». Прекрасно зная, что за ними наблюдают, они тем не менее обнимаются и целуются взад, как подростки, смеются, исчезают под водой, а потом, хохоча, выныривают на поверхность. Интересно, они действительно занимаются там сексом? Я никогда не пробовала и не знаю, возможно ли это технически.

Немецкая пара по соседству со мной тоже наблюдает за ними, но, в отличие от меня, без всякого удивления. Я встречаюсь взглядом с женщиной, которая совершенно невозмутима. У нее длинные прямые волосы и бикини с рисунком из маленьких лимончиков, которые, как ни странно, выглядят довольно стильно. Она гримасничает, а я киваю и выпучиваю глаза. Потом мы обе оглядываемся на ту парочку.

– Они здесь уже три дня, – говорит мне немка. – Три дня! И каждый день одно и то же.

– И им не надоедает?

– Похоже, что нет.

К нам подходит один из местных, работающий в кафе.

– Они молодожены, – объясняет он, глядя, как блондинка срывает с себя лифчик. Его явно раздражают противоречивые чувства. – Для Малайзии это очень необычно.

– О Господи, – вздыхает немка. – Появляться с голой грудью в исламской стране? Она что, совсем дура?

– Видимо, – соглашаюсь я.

Эта парочка явно не бывала в Куала-Теренггану.

Немка поворачивается к своему спутнику, мужчине с курчавыми волосами в удлиненных шортах, и, кажется, выговаривает ему за слишком пристальное внимание к обнаженной натуре.

– Откуда они? – интересуюсь я, надеясь, что не из Англии.

– Амер-р-рика, – рычит местный житель, представившийся Самадом. – Американцы из Голливуда.

Он машет рукой женщине с младенцем, идущей по берегу в нашу сторону.

– Да, похоже на то, – говорю я.

Этот спектакль мне быстро надоедает, и я утыкаюсь в книгу. А Самад бежит навстречу своему семейству.

Сидеть в ресторане одной оказалось не так уж страшно. За пять проведенных здесь дней пора бы к этому привыкнуть, что в общем-то и происходит (сейчас мне трудно поверить, что меньше недели назад я покинула свой дом, сев в пять утра на поезд, доставивший меня в аэропорт).

Здесь так расслабляешься, что не испытываешь ни малейшего смущения, сидя в одиночестве и потягивая арбузный сок в ожидании заказанной рыбы. Я читаю книгу, пишу открытку Дейзи и стараюсь сохранять абсолютное спокойствие.

Я проведу здесь две недели, что довольно приличный срок. А если паниковать и расстраиваться, что через пару недель уже нужно уезжать, нечего было и прилетать.

Я представляю, как вернусь домой. Загорелая и в прекрасной форме, поскольку отличная еда и лежание на пляже сделают мою тощую фигуру приятно округлой. Я обрету жизненные перспективы и мудрость, которая не покинет меня до конца дней. Во всяком случае, я на это сильно рассчитываю.

Мой путь домой будет быстрее. В Куала-Лумпур я полечу самолетом из Кота-Бхару, который находится где-то к северу отсюда. Потом придется несколько часов поболтать в аэропорту или же совершить стремительный бросок в город за подарками. Снова перелет, теперь уже международный, и вот я уже на пороге своего дома, пустовавшего ровно двадцать два дня. Все мои растения наверняка погибнут, потому что мне и в голову не пришло попросить кого-нибудь поливать их в мое отсутствие, хотя у меня остались друзья. Даже после того, что произошло со мной за последний год. Зои, к примеру, в курсе моего путешествия и полностью его одобряет.

Я войду и скину рюкзак. В нем будет полно песка с этого самого пляжа, на котором я сейчас пишу открытку для Дейзи. И я увезу его с собой. Дейзи не будет дома. Я приму душ, переоденусь в чистое и поеду к Крису забирать ее.

Но пока я здесь. И две недели буду отдыхать и восстанавливать силы. Глубоко вдохнув морской воздух, я напоминаю себе, что должна наслаждаться здесь каждой минутой.

Все вокруг так приветливы и дружелюбны. Но я не вступаю в разговоры. Поев, я медленно поднимаюсь на холм, где притулился мой домик. Там я еще немного читаю, потом забираюсь под москитную сетку и мирно засыпаю.

Глава 7

Так проходит несколько дней. Люди уезжают, и на их место прибывают новые. В том числе и пожилая пара из Австралии. Их зовут Джин и Джен, и они все время выясняют отношения. Я стараюсь держаться от них подальше, что довольно несложно, поскольку они живут в одном из самых лучших бунгало на другом конце пляжа, так что я не слишком часто слышу, как они переругиваются. Понятно, что чужие несчастные браки меня не слишком привлекают. Я попала в сказку, где могу целый день нежиться на пляже, есть что угодно и пить фруктовый сок. Американцы еще не уехали и по-прежнему резвятся в море и на берегу, наслаждаясь вниманием окружающих.

На четвертый день мне захотелось активности. Ведь время надо проводить с максимальной пользой. Многие занимаются подводным плаванием и взахлеб рассказывают о своих впечатлениях, расписывая потрясающих рыб и черепах, сказочные кораллы и вполне безобидных акул, которые, по их словам, не страшнее забавных щенков. Все именно так, как тогда в галерее говорила Элли. Проблема в том, что туристов увозят в море на целый день, а я не могу заставить себя пожертвовать пляжем.

На шестой день на остров приезжают Эдвард, Джона и Пьет. Я сразу же узнаю их. Выпрыгнув из лодки на песок, они машут мне.

– Привет, – бормочу я, не в силах оторвать голову от постеленного на песок полотенца.

– Как дела? – приветливо интересуется Эдвард.

– Привет, Эстер! – басит красавец Джона, и я с трудом сгоняю с лица глуповатую улыбку.

Теперь, когда мы вместе оказываемся в кафе, я присоединяюсь к их компании. Они симпатичные ребята, и мы проводим самую жаркую часть дня за игрой в карты или в слова.

Через пару дней появляется Кейти и заселяется в соседний домик. Правда, ведет она себя еще нелюдимее, чем я. Я начинаю размышлять о своей прежней жизни и прихожу к выводу, что в ней все было наперекосяк. Когда вернусь, буду приводить ее в порядок. Это означает, что я займусь йогой и попрошу прощения за сумбурное детство Дейзи. В конце концов, ей сейчас не так уж плохо. Я пишу ей послания, звоню и слышу ее счастливый голосок.

Во время беременности я все время представляла, что у меня будет девочка. Так поступают большинство женщин, потому что вырастить в женском теле девочку им кажется более естественным. А растущий в их чреве пенис кажется им чем-то чужеродным.

Так или иначе, но я оказалась права. Пока я носила свою девочку под сердцем, у меня сложился ее портрет. Это будет существо не от мира сего, тонкая чувствительная натура, обожающая читать книги или заниматься балетом. Моя воображаемая дочь будет маленькой нежной феей с белокурыми волосами, белой кожей и носиком-кнопочкой. Я решила назвать ее Дейзи¹, потому что такое имя как нельзя лучше подходит хрупкой изящной девочке: это будет мой маленький цветочек.

Когда я сказала Крису, что общаюсь со своей будущей дочкой и ее имя не подлежит обсуждению, он равнодушно бросил «ладно». Эта тема его не слишком волновала, и заставить его возражать могло лишь совсем дикое имя.

В тот момент, когда она родилась, я, еще не видя ее, уже знала, что глубоко заблуждалась. С ее первым вздохом я сразу же поняла, что она все сделала по-своему. Белокурая фея без следа растворилась в воздухе и исчезла навсегда.

Реальная Дейзи разразилась громкими воплями. Она была плотно сложенной и темно-волосой и, очутившись в моих руках, нахмурилась и пронзила меня строгим взглядом. Реальная Дейзи оказалась крепким орешком. Она презирает все розовое и блестящее, пренебрегает

¹ Маргаритка (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

требованиями общества, терпеть не может балет, кукол Барби и игрушечную посуду. И упорно делает только то, что ей нравится. Обожает плавать, слушать рэп и гулять с чужими собаками. Носит только брюки, джемперы и куртки с капюшонами. Если я не расчешу ей волосы и не завяжу их ленточкой, они так и будут падать ей на лицо. Сама она в лучшем случае уберет их за уши.

Когда я представляю, как она ходит по набережной, держа в каждой руке по поводку и увещевая своих подопечных (вся всклокоченная и лохматая, потому что отец уж точно не удосужится ее причесать), мне отчаянно хочется к ней. Она любит собак и с удовольствием собирает в пластиковый пакет их какашки. «Мне это нравится, мама, – со смехом заявила она, увидев мой ужас. – Ну где еще может представиться такая возможность?»

Я скачаю по ней, но стараюсь не поддаваться эмоциям. Ведь нас разделяют тысячи миль, и мне так жаль покинуть этот райский остров.

Вечером я сижу в кафе и пью пиво, которое Джона привез из Коралловой бухты. В голове у меня вертятся разные мысли, и я полностью погружена в себя.

– Не возражаете, если я к вам подсяду?

Подняв глаза, я вижу Кейти.

– Конечно, нет.

Я выдвигаю ногой второй стул, и она садится за мой столик.

– Прошу прощения, – говорит Кейти с той же теплой улыбкой, которой она наградила меня, когда мы ждали катер. – Вы, похоже, погружены в свои мысли, но все столики заняты. Остаетесь только вы и эта сладкая парочка.

Мы смотрим на американских молодоженов. Они глядят друг друга по бедрам.

– Да, уж лучше вам сидеть здесь, – соглашаюсь я.

– Что заставило вас приехать сюда в одиночестве, Эстер? – спрашивает Кейти, наливая себе из моей бутылки. – Здесь не так много одиноких женщин. И мы должны проявлять солидарность.

Я улыбаюсь ей:

– Развод. Пока была замужем, я все время мечтала о побеге. А потом случай представился сам собой. Дочка сейчас с моим бывшим, так что меня ничего не удерживало.

– И правильно сделали. Вам ведь хорошо сейчас? У вас это на лице написано. Я вам просто завидую. Каждый день прохлаждаетесь с книгой в руках. Просто живая реклама этих мест.

– Я от них в восторге. Они открывают передо мной новые перспективы.

Женщина с интересом смотрит на меня:

– Какие же?

Я делаю глубокий вдох. Кейти мне нравится, и она вполне безопасный чужой человек. С тех пор как я уехала, мне ни с кем не удалось поговорить по-человечески. А с ней можно пооткровенничать. Похоже, ей будет интересно, и, услышав мою историю, она, возможно, расскажет о себе. Будем надеяться.

– С Крисом, это мой бывший муж, я была не очень счастлива, – начинаю я, потягивая пиво. – Да и он тоже. Но все же мы продолжали жить вместе.

– Из-за дочери?

– Если бы не Дейзи, мы бы разбежались уже через две недели.

В молодости Крис был беззаботным красавцем, жившим без тормозов. Я была под стать ему – околачивалась в лондонских клубах, отплясывая там в мини-юбке. Когда мы встретились, я просто потеряла голову, хотя он мне никогда по-настоящему не нравился, не говоря уж о любви.

– Но даже несмотря на Дейзи, я до сих пор не понимаю, почему мы тянули эту лямку столько лет. Сейчас ей десять. Мы развелись, когда ей было девять. А ведь могли покончить с этим гораздо раньше. Но я не стремилась к разводу. Кому хочется быть разведенкой? А Крис происходил из очень консервативной семьи, и его родители были бы в шоке. Поэтому мы выбрали трусливый компромисс, погрузившись в трясины безрадостной жизни, и бездарно потратили молодость друг на друга. Я уверена, что он мне изменял, но мне не хотелось в это вникать. Я и сама могла бы ходить налево, но мне было лень подняться с дивана. Я ждала, когда все решится само собой.

– В конце концов так и произошло?

– Все закончилось грандиозным скандалом, – продолжаю я, допивая пиво. – Последней вспышкой страсти. Я стала много пить, а он все чаще задерживался на работе или где-нибудь еще. Как-то в пятницу вечером он появился после полуночи жутко пьяный, а я лежала в отключке на диване. Такое случалось и раньше, но в этот раз он соскочил с катушек. Мы уже много лет нормально не общались, а тогда к тому же были пьяны. Он посмотрел на меня, и в голове у него, как он позже говорил, что-то щелкнуло. Сейчас он утверждает, что все произошло из-за того, что девушка, которую он знал, превратилась в какое-то жалкое существо, и он ощутил вину. Но я сильно сомневаюсь, что им руководили столь благородные чувства. Он начал на меня орать. Я проснулась и тоже стала кричать. И тут все выплеснулось наружу. Весь негатив, что копился годами, все взаимные претензии, вся ненависть к нашей совместной жизни. Сейчас уже не помню всех подробностей, но было впечатление, что прорвало плотину, и я вдруг почувствовала огромное облегчение. Я вскочила с дивана и кинулась на мужа. Мы начали драться, таская друг друга за волосы и выкрикивая ругательства. А потом я подняла глаза и увидела Дейзи, стоявшую в дверях. Она в ужасе смотрела на нас. И это было самое страшное. У меня кровь застыла в жилах. Мы встретились взглядом, и я тут же протрезвела. Но Крис продолжал меня бить, пока я не произнесла «Дейзи». И только тогда он остановился.

Я замолкаю. Память об этом просто невыносима. Мне хочется посмотреть на Кейти, увидеть ее шок, но мне стыдно оторвать глаза от стола. Вокруг моего стакана ползает жучок. Я некоторое время наблюдаю за ним. Он нарезает бесконечные круги, думая, что ползет вперед.

– Надеюсь, для Дейзи это не стало трагедией? – спрашивает Кейти. – Дети ведь переносят все легче.

Я заставляю себя взглянуть на нее и даже улыбаюсь:

– Да, уж стойкости моей Дейзи не занимать. Я не утешаю себя. Моя дочь действительно твердо стоит на ногах. Конечно, она сильно расстроилась. Но она не из тех, кто прячет голову в песок. В отличие от своих родителей. Не знаю, от кого у нее эта твердость. Но я рада, что она такая. Мы постарались ей все объяснить. Крис сразу же ушел от меня. Для нас обоих словно прозвенел будильник. Мы просили прощения у дочери и вместе, и порознь. И в конце концов она сдалась, заявив: «Мама, я решила вас простить. Только больше никогда этого не делайте, нельзя же так себя ронять».

– Умная девочка! – смеется Кейти.

– Да, она такая. Ей стало легче, когда Крис ушел, и теперь она может встречаться с ним без меня. У многих ее друзей родители в разводе, и часто это к лучшему. Она легко это пережила. Я справилась гораздо хуже. Было страшно трудно прийти в себя и смириться с участью разведенной женщины под сорок. Именно поэтому я здесь. Собраться с мыслями, без страха смотреть в будущее и стать хорошей матерью для Дейзи.

Кейти полистала меню.

– Вполне достойный план.

– Надеюсь, у меня все получится.

Она погладила меня по руке:

– Я в этом уверена. А хотите знать, почему я здесь? В качестве примера того, что у каждого свои проблемы.

– Да, конечно, – улыбаюсь я.

Мы заказываем ужин и ждем, пока его принесут. В теплом воздухе разносится аромат бугенвиллеи. Американцы встают из-за стола и, подначивая друг друга, со смехом бегут на пляж.

Когда нам приносят рыбу с рисом и салат, Кейти, поправив прядь волос, вопросительно смотрит на меня, и я киваю.

– Я ведь тоже недавно рассталась с одним человеком. Это было невыносимо тяжело. У нас не имелось детей, что немного упрощало дело. Моей партнершей была женщина, так что у нас все вышло несколько по-другому. Мы были вместе довольно долго. А теперь вот разошлись. – Я вижу, как она старается сохранить душевное равновесие. – Так трудно пережить, когда остаешься без близкого человека, одна на белом свете. У вас, по крайней мере, есть Дейзи, значит, вы не одиноки. А со мной все значительно хуже.

Я дотрагиваюсь до ее руки. Она слегка вздрагивает, но руки не отнимает.

– Да, перестроиться очень тяжело. Мне поначалу казалось, что это вообще невозможно. А здесь вам стало лучше?

Кейти пожимает плечами:

– Я надеялась на большее. Нет. Дело в том, что я ее по-прежнему люблю. В этом разница между нашими ситуациями.

– А почему же вы расстались?

Кейти зажмуривается, и я уже жалею о своей бестактности.

– Ей просто надоело. В самом прямом смысле. Меня воспитывали традиционно, и я всегда стеснялась своих наклонностей, которые считались чем-то постыдным и ужасным. Ее же это раздражало, как и то, что я скрывала наши отношения от своей семьи. Я ее просто обожала. И до сих пор люблю. Просто не могу в этом публично признаться. Она считала, что я стыжусь нашей связи и скрываю ее как некую постыдную тайну. Но это было не так. В конце концов ей все это надоело. Она меня бросила и больше не возвращалась.

– А вы ее об этом просили?

Кейти засмеялась:

– О, я унижалась как могла. Рыдала, умоляла, бегала за ней. Но она уже все решила. А потом стала встречаться с кем-то другим. И тогда я уехала.

Вздыхнув, я сочувственно улыбаюсь ей. Она улыбается в ответ.

– Я так рада, что встретила вас, – говорю я.

– Я тоже, – отвечает Кейти, втыкая вилку в кусочек рыбы. – Люди с разбитым сердцем должны держаться вместе. А кстати, вы уже занимались подводным плаванием?

– Нет. Я думала об этом, но пока так и не выбралась. А вы?

– Я собираюсь. И уже говорила с Самадом. Он здесь работает.

– Знаю, – киваю я. – У него еще маленький ребенок.

– Ну да. Он планирует организовать здесь необычные морские экскурсии. Говорит, что это очень выгодно. А те, что сейчас предлагают, вполне заурядные. Он хочет устраивать совсем другие, чтобы туристы пережили нечто неизведанное. Звучит очень заманчиво.

– Да, действительно. А мы можем поехать?

– Знаете, что самое интересное? – понижает голос Кейти. – Он хочет устроить пробную поездку. Подводное плавание, рыбалка, обед на необитаемом острове. Мы будем его подопытными кроликами. Вы сможете поехать послезавтра?

Я смотрю на нее и невольно улыбаюсь:

– Вообще-то я не хотела никому говорить, но послезавтра у меня день рождения. Мне стукнет сорок.

Кейти, смеясь, гладит меня по руке:

– Да это же здорово. Я поговорю с ним, и мы это отметим.

Глава 8

Кэти

Июнь 1988

Они наконец нам сказали! Я на седьмом небе от счастья. Все, что меня тревожило, развеялось, как дым. Это откровение Господне. Ничего подобного я даже представить себе не могла.

Теперь я могу не стыдиться своего греховного желания увидеть мир. Могу не переживать из-за брака с Филиппом. Не изводиться из-за невозможности пойти работать, поступить в университет и сделать карьеру. Больше никаких препятствий. Я совершенно свободна и могу с радостью смотреть в будущее. Слава Богу – в самом прямом смысле.

Как же мне повезло! Вчера я уже с нежностью смотрела на спящую Марту. Как же я люблю ее, как я могла считать ее занудой? И она меня любит, это же сразу видно. Мы с ней самые счастливые люди на свете.

Скоро все изменится. Хотя это слово слишком слабо отражает масштаб происходящего. Все трансформируется до неузнаваемости.

Преподобный Моисей, наш духовный отец, а также биологический отец многих из нас (включая меня), призвал к себе всех членов общины. Собралось восемьдесят три человека. Дети сидели на полу, взрослые на стульях, а отец Моисей стоял на возвышении. Потом он забрался на стул, с него на стол и, встав во весь рост, поднял руки и начал говорить. Точно повторить его слова я не смогу, они были слишком возвышенны. Но суть сводилась к следующему, и это было настоящее откровение: «Приближается Второе пришествие. Господь спустится на землю, чтобы забрать к себе праведников. Это свершится в ночь на двадцать первое июня. Если я достоин – а я знаю, что недостоин, хотя и творю богоугодные дела во славу Господа и, уповая на его милосердие к раскаявшимся грешникам, смиренно надеюсь на его снисхождение, – он заберет меня на небеса, где я буду пребывать с ним в вечности. В противном случае я останусь на земле вместе с другими грешниками, на которых он обрушит гнев свой. Я бы хотел отринуть все мои прежние греховные мысли, но раз Богу все равно о них известно, в этом нет никакого смысла. Я искренне раскаиваюсь и надеюсь, Он это видит. Я стремлюсь полностью контролировать свое сознание. Иногда мне в голову приходят дурные мысли, но я стараюсь гнать их прочь. Порой возникают мечты об университете, но я безжалостно пресекаю их. Надеюсь, Бог это видит. Если Господь не призовет меня, я буду знать, что получил по заслугам, и сделаю все, чтобы спасти других грешников от Страшного суда».

А еще отец Моисей дал нам задание.

Мы должны нести миру истину, чтобы грешники имели возможность исправиться. Он сказал, что Иисус, явившийся ему, когда он смотрел по телевизору новости, повелел, чтобы каждый из нас привел в общину хотя бы одного грешника. Они должны быть спасены и желать спасения. Каждый из детей должен привести кого-нибудь из школы, даже мы с Мартой, невзирая на наши выпускные экзамены.

«Никаких исключений!» – пророкотал он, и у нас по коже пробежал холодок, потому что устами Моисея говорил сам Иисус. Во всяком случае, мне так показалось.

Завтра я пойду в школу и совершу самый важный в жизни поступок. Еще неделю назад я была бы в ужасе от самой идеи привести в общину грешника из чуждого мира. Я хотела сама попасть туда, а не тащить к нам тех, кто там живет. Теперь я знаю, что это единственный способ их спасти. Мне не терпелось поскорее пойти в школу и поговорить с ребятами. Они, конечно, поднимут меня на смех, но теперь меня это вряд ли уязвит. Впервые за свои шестнадцать с половиной лет я была безмерно счастлива.

До Судного дня осталось всего семь дней, и это существенно меняло мои планы. Завтра я пойду в школу доносить слово Господне. Мы с Мартой, Евой и Даниэлой будем держаться вместе, стараясь поговорить со всеми девочками. А Филипп, Саймон и другие будут беседовать с мальчиками. После собрания мы, сбившись в кучку, стали вырабатывать стратегию. Очень важно, чтобы каждый ученик узнал о том, что нас ждет, непосредственно от нас, ведь так они сами смогут нам ответить, предупреждая распространение глупых слухов.

Мы сидели на деревянном полу молельного дома, говоря все разом и чувствуя небывалое единение. Я никогда не была так счастлива, как в тот вечер, когда мы чувствовали себя друзьями и единомышленниками. В школе я была всегда одна. Но теперь мы станем работать парами, и мы с Мартой обойдем всех девочек в четвертом, пятом и шестом классах. Марта – моя сводная сестра, хотя здесь мы все одна семья и наше биологическое родство не имеет такого значения, как в греховном внешнем мире. Мы с ней совсем не похожи. Я высокая, у меня русые волосы, которые в раннем детстве были белокурыми (раньше я тщеславно желала, чтобы они такими и оставались). А Марта маленькая и толстая (хотя какое сейчас это имеет значение, я просто описываю ее). У нее темные волосы, которые ее мать Юдифь стрижет «под горшок», хотя я всегда считала, что длинные волосы пойдут ей больше. Но, опять же, теперь это не важно.

Раньше я мечтала о таких ничтожных вещах, как модные прически и макияж, но могла позволить себе лишь длинные прямые волосы. Хотя их полагалось носить на прямой пробор, в школе я делала косой и слегка закрывала ими лицо. Марта с готовностью сообщала об этом в общину, и меня нещадно ругали.

Я прощаю ее, как же может быть иначе, раз Моисей и Кассандра прощают мне мое тщеславие. Ведь мы единственные, кто знает истину. Вся община волнуется и ждет. Конца света пока не будет, но на восходе двадцать первого июня все изменится. Я просто сгораю от нетерпения.

Глава 9

Я просыпаюсь с ощущением счастья и, перевернувшись на спину, рассматриваю узор на потолке, нарисованный узкими полосками света, пробивающегося сквозь ставни. За стенами моего домика сплошное шуршание и чирикание, а по крыше кто-то резво скачет. Это меня и разбудило.

Я сижу на кровати под пологом из москитной сетки и беспечно улыбаюсь. Мне исполнилось сорок. Сегодня меня ждет увлекательная поездка. Я спокойна и безмятежна. Именно за этим я сюда и приехала.

Взглянув на часы, которые показывают половину восьмого, я натягиваю бикини и саронг, чтобы быстренько искупаться перед отъездом. Надеюсь, Кейти выполнит свое обещание и не станет афишировать мой день рождения. Не хочу лишнего внимания. Слава Богу, что мне не пришлось отмечать сей юбилей дома. Друзья и дочка непременно потребовали бы устроить праздник. Чуть позже я позвоню Дейзи, невзирая на чудовищную стоимость такого звонка. Придется общаться с Крисом, который, несмотря на то что ему самому перевалило за сорок, наверняка не упустит случая съехидничать по поводу кризиса среднего возраста.

Я отодвигаю щеколду на двери. Каждую ночь я тщательно запираюсь, хотя в окнах нет стекол – смешно вставлять стекла в подобной хижине, а ставни служат чисто декоративной цели. Попасть внутрь через дверь можно лишь с топором или тараном, но чтобы влезть в окно, достаточно лишь поднять ставни. Я стараюсь об этом не думать. На острове безопасно, рядом много других домиков, и в случае чего мой крик сразу же услышат.

Я люблю раннее утро с его тишиной и свежестью. Пока не так жарко, как днем. Я иду на пляж и, стоя на песке, глубоко дышу. Закрыв глаза, наслаждаюсь лаской теплого ветерка. На песок с тихим плеском набегают волны. Это так не похоже на наш вечно серый Ла-Манш, где волны с шумом разбиваются о камни. А здесь вода тихо шепчется с тончайшим тысячелетним песком.

Мой саронг быстро оказывается на песке, а я – в объятиях теплого моря. Меня слегка покусывают какие-то неизвестные существа, но я упорно плыву вперед, пока не оказываюсь вровень с окружающими бухту скалами. Перевернувшись на спину, я смотрю в небо и отдаюсь на милость волн.

– С днем рождения, – шепотом поздравляю я себя и улыбаюсь.

День рождения обещает быть удачным.

В кафе уже сидят туристы, и я желаю всем доброго утра. На мое приветствие откликается немецкая пара, чьи имена я уже не помню, вечно ругающийся с женой австралиец и Кейти, приглашающая меня за свой столик. На ее лице написано волнение.

Наклонившись ко мне, она сценическим шепотом произносит:

– С днем рождения!

– Спасибо.

– Вы готовы? Взяли с собой все, что нужно?

Я указываю на небольшую сумку у своих ног. Она полупустая. Ну что там может мне понадобиться?

На тарелке у Кейти я вижу остатки омлета и фрукты и заказываю то же самое. Фарфоровая кожа Кейти покрылась загаром, она выглядит довольной и отдохнувшей.

На пляже с багажом стоит немецкая пара – женщина в бикини с лимончиками и ее спутник с пышной шевелюрой. К ним подплывает морское такси, и они, войдя в воду, бросают свои сумки в лодку. На женщине, чье имя я так и не запомнила, короткое пляжное платье с

вишенками. Волосы, стянутые на затылке, открывают длинную изогнутую шею. Она поворачивается и машет нам рукой.

– Желаю приятно провести день! – кричит она.

– Обещаем! – отвечает Кейти.

Потом смотрит на меня:

– Они тоже хотели поехать, но побоялись опоздать на самолет. Хельга даже расстроилась.

– А кто еще с нами едет?

– Точно не знаю. Кажется, Эдвард, тот шотландец. Он очень рвался.

Кейти поднимается из-за стола.

– Скоро узнаем. Вы все с собой взяли?

– Солнцезащитные очки. Солнцезащитный крем. Смартфон на случай, если Дейзи пришлет мне поздравление. Бутылку с водой.

– Все правильно, – кивает она. – Путешествовать надо налегке.

Мы собираемся в конце пляжа, недалеко от моего домика. Самад приветствует нас широкой улыбкой:

– Кейти! Эстер! Спасибо, что пришли.

Все поворачиваются в нашу сторону, и я с неудовольствием вижу, что в нашу компанию затесались скандальные австралийцы и Марк с Черри, любвеобильная американская парочка. Кроме них на остров едут только Эдвард и мы с Кейти. Никогда бы не подумала, что эти две парочки могут заинтересоваться подобным путешествием.

Из всех стоящих сейчас на пляже для своего дня рождения я бы выбрала только Кейти и Эдварда. Остальных придется терпеть.

– Привет! – здороваюсь я с группой и широко улыбаюсь.

– Здравсьте, – бросает австралийская скандалистка с таким выражением, словно она меня терпеть не может.

Остальные приветствуют меня более дружески, а Кейти расплывается в улыбке и хлопает в ладоши.

– Внимание, сегодня у Эстер день рождения! – объявляет она, и все улыбаются и произносят подходящие случаю фразы.

Я сердито смотрю на нее, потому что хотела сохранить это в секрете, и она прекрасно об этом знает. Но делать нечего, приходится вымученно улыбаться.

– Все собрались, – говорит Самад и идет к морю. Я плетусь в хвосте группы.

Когда мы проходим мимо моего домика, самого удаленного от моря, из джунглей выбегает огромная ящерица, которая, увидев нас, шарахается в сторону и убегает вниз по тропинке.

– Прямо динозавр какой-то, – замечаю я.

– Они тут с древних времен, – объясняет Эдвард, поворачиваясь ко мне. – Я где-то читал.

Остановившись, я смотрю на это чудовище. Она длиной больше метра, у нее короткие толстые лапы, напоминающие кошачьи, и длинный мощный хвост. Застыв на месте, ящерица смотрит на меня глазами-бусинами. Все остальные уже ушли вперед. Меня потрясает выражение на ее морде. Дейзи была бы от нее в восторге. Я быстро снимаю ее на смартфон.

– Спасибо, дорогая, – говорю я ящерице. И вдруг понимаю, что здорово от всех отстала. – Пока. Увидимся вечером.

Она поворачивается и, тяжело ступая, исчезает в лесу.

Сзади кто-то окликает меня:

– Эстер!

Я оборачиваюсь, стараясь понять, откуда кричат. На пляже только два-три человека. Потом вижу Рахима, владельца этого курорта, машущего мне со ступенек кафе.

Он явно хочет со мной поговорить. Я машу ему в ответ и бегу догонять своих.

Они уже садятся в лодку на соседнем пляже. Она, очевидно, не рассчитана на восьмерых, и все боковые сиденья уже заняты. С одной стороны сидят скандальные австралийцы, с другой – роскошные американцы. Кейти с Эдвардом пока на берегу. У Кейти в руках целая коллекция ключей с деревянными брелоками, чтобы не потерялись.

– Пойду оставлю их на стойке, – говорит она. – Эстер, вы не хотите отдать мне свои? Я скажу, что мы все вместе идем на прогулку. Мне бы не хотелось, чтобы они оказались в воде.

– А мне это даже в голову не пришло, – смеюсь я, вручая ей ключ.

Самад стоит на берегу, разглядывая лодку.

– А вот и Эстер, – с улыбкой приветствует он меня.

Он явно нервничает. Я вижу, как он с тревогой смотрит вслед Кейти.

– Прошу прощения. Я задержалась из-за ящерицы.

Я решила не говорить ему, что меня окликал его коллега. Зачем его лишний раз расстраивать. Если Рахим что-то спросит у Кейти, она-то уж сможет напелсти ему с три короба.

– Эдвард, садитесь сюда, – командует Самад, и тот, перебравшись черед борт, занимает указанное место. – Кейти сядет рядом, а вас, Эстер, мы посадим в середину. Вы худенькая, так что поместитесь.

– Идет!

Я всегда с удовольствием принимаю комплименты.

– Прыгайте к нам! – приглашает меня Марк.

Американцев я пока видела только издали, но с их анатомией познакомиться уже успела. У Марка черные блестящие волосы и стильная прическа. На лице у Черри именно такое количество косметики, которое необходимо, чтобы выглядеть голливудской актрисой, играющей роль женщины, попавшей на райский остров. Интересно, сколько продлятся их брак и пламенная страсть? И почему на свой медовый месяц они приехали сюда, а не в более статусное место?

Самад подает мне руку, и я, запрыгнув в лодку, сажусь на поперечную скамейку перпендикулярно тощей Джин с ее птичьим личиком и рядом с местом, предназначенным для Кейти.

– Готовы поплавать с черепахами и дружелюбными акулами? – спрашивает Марк, одаряя меня ослепительной улыбкой. Он даже пахнет шикарно: дорогим одеколоном или чем-то в этом роде, что в местных условиях довольно неуместно. – Увидеть кораллы и прочие райские атрибуты? У нас ведь будет пикник на необитаемом острове. Мы окажемся там совершенно одни. Нас с Черри это и соблазнило.

– Готова, – отвечаю я, невольно представляя, как они будут заниматься сексом в новых декорациях.

Краешком глаза я замечаю, что Джин ухмыляется, вероятно, думая о том же.

Прибегает улыбающаяся Кейти и прыгает в лодку.

Самад заводит мотор.

– У нас будет обед? – спрашивает у него Джен, наклоняясь вперед. Толстый живот австралийца буквально вываливается из шорт, из выреза майки торчат курчавые седые волосы. – Надеюсь, мы не будем там голодать?

– Да уж, – округляет глаза Джин. – Он просто зверь, когда голодный. Даже хуже, чем всегда, черт бы его побрал.

– Да не слушайте вы ее, – отмахивается Джен. – Никогда не женитесь, юный Эдвард. Вы ведь еще холосты?

– Да, – неохотно отвечает Эдвард, не желая вмешиваться в семейные разборки.

Просто молодец.

– Вот это правильно, – одобрительно замечает Джен.

– Ну уж конечно, – язвительно бросает Джин.

Взглянув на Кейти и Эдварда, я понимаю, что мы трое уже сожалеем о подобном соседстве.

Ветер раздувает мне волосы. Мотор как-то подозрительно подвывает, но мы все же движемся вперед, так что, наверное, это не так уж страшно. Обернувшись, я смотрю, как берег постепенно исчезает из вида. Мы огибаем мыс, и он пропадает.

Мы выходим в открытое море и остаемся одни. К счастью, Джин и Джен надолго замолкают. Марк с Черри сливаются в объятиях. Мне становится неудобно, и я отворачиваюсь. Иногда вдали показываются лодки, и Самад объясняет, что все плавают с масками в одних и тех же местах, а мы попробуем что-нибудь поинтереснее.

– Их возят к маяку, где есть рыбацкая деревня, – пренебрежительно бросает он. – Потому что им лень придумать что-нибудь, кроме обеда в рыбацкой деревне. И туристы считают, что увидели настоящую Малайзию. А на самом деле это не так! Просто представление для туристов.

– В этом вся фишка, – тихо произносит Кейти. – Оторваться от стада и увидеть места, где никто еще не бывал.

– Просто потрясающе, – соглашаюсь я. – Одни в открытом море.

Это и правда здорово, и я готова провести так весь день. Мне страшно нравится, что мы отклонились от заезженного маршрута и не видим других лодок.

Когда Перхентиан-Кесил превращается в еле различимую полоску на горизонте, Самад бросает якорь и раздает нам маски.

– Вы пока поплавайте, – говорит он, опускаясь на свое место и задирая ноги. – Осмотрите все вокруг, а потом возвращайтесь в лодку.

Он достает сигарету, шарит в кармане в поисках зажигалки и, не найдя ее, убирает сигарету обратно в пачку.

– Я уже сто лет не плавала с маской, – сообщаю я Джин, которая уже скинула мешковатое пляжное платье, оставшись в фиолетовом сплошном купальнике.

– Да что здесь уметь, дорогая, – усмехается она. – Берите в рот трубочку и дышите через нее. Как будто вы курите.

Она натягивает маску и криво улыбается. Потом поворачивается к Джину, который запутался в шортах и раскачивает лодку.

– Осторожней, идиот! – вопит она. – Ты что, собираешься лодку перевернуть, болван? Хочешь утопить нас всех? Да? Кретин!

Джен корчит рожу. Джин выставляет вперед подбородок, и они с ненавистью смотрят друг на друга. Интересно, а мы с Крисом так же выглядели на закате нашего брака?

Нет, нет и нет. Мы никогда по-настоящему не скандалили. Хотя мне порой хотелось устроить сцену. И лишь предсмертная агония наших отношений подтолкнула нас к дикой сцене, которую никто не видел, кроме одного-единственного существа, испытавшего поистине недетскую боль.

Глубоко вдохнув, я прыгаю в теплую прозрачную воду.

Она нежно обволакивает меня. Я плыву на спине, глядя в голубое небо, где маячит лишь парочка легких облачков. Мое лицо обжигает солнце, и я радуюсь, что намазалась защитным кремом.

Как же здесь волшебно. Я в восторге, что мы в открытом море, вдали от земли и всего остального. Чуть-чуть страшновато, но я стараюсь не терять из вида лодку.

Ко мне кролем подплывает Эдвард. Остановившись, он болтает ногами в воде, стараясь удержаться в вертикальном положении. С его волос стекают на спину струйки воды. Вслед за ним, широко улыбаясь, подплывает Кейти.

– Мы во власти стихии, – со счастливой улыбкой произносит она. – Здорово, правда? Только мы, море и небо.

Я стараюсь не думать о глубинах, находящихся под нами.

– А как насчет акул? Они нас не тронут?

Эдвард смеется:

– Знаете что? Когда вы это сказали, меня так и подмывало нырнуть и ухватить вас за ногу. Но я этого не сделал. Оцените.

– Я должна быть благодарна, что вы не ведете себя как десятилетний мальчишка? – хмуро говорю я. – С чем вас и поздравляю.

Мы оба смеемся.

– Спасибо.

Эдвард отплывает, потом поворачивается и кричит:

– С акулами здесь все в порядке! – И ныряет под воду.

– Здесь совсем неопасно, – успокаивает меня Кейти. – Правда. Давайте поплаваем вместе.

– Спасибо, – киваю я. – Вообще-то я не трусиха, но здесь мне как-то не по себе. Под нами столько воды, столько всякой живности, для которой мы чужаки. Осознавать, что мы не на твердой земле, где можно ходить и что-то есть, ну, не знаю...

– Так в этом-то все удовольствие! – восклицает Кейти и уплывает.

Пловец из меня так себе. Плавать я научилась лет в двадцать, когда поняла, что все давно умеют это делать. Я собиралась водить машину и решила, что перед этим надо научиться плавать. Именно в таком порядке, ведь научиться плавать легче и дешевле.

В то время я жила в пригороде Лондона, в семье, где живут девушки, желающие изучить иностранный язык.

– Мы заплатим за твой курс обучения, – предложила миссис Тао вскоре после того, как я начала работать. – Обычно наши девушки выбирают английский, но тебе, Эстер, это не нужно. Чему ты хочешь научиться? Французскому языку или чему-нибудь еще?

Я улыбнулась. Мне нравилось жить в этом доме. Он был просторным и полным воздуха, и в моем распоряжении был весь верхний этаж.

– Мне бы хотелось научиться плавать. Я до сих пор не умею.

– Решено, – сразу же согласилась миссис Тао. – А почему ты не научилась в детстве?

Ответ она обычно не ждала, так что все обошлось.

Сначала я ненавидела эти занятия, когда приходилось топтаться на мелководье вместе с другими обучающимися (старик, подросток из внутриконтинентальной африканской страны, нервная дама лет на десять старше меня и тому подобная публика) и смотреть на инструкторшу, начавшую занятия словами «Имейте в виду, что это вода». Причем инструкторша шлепнула по ней рукой, подняв кучу брызг. Но когда я в первый раз переплыла бассейн, то почувствовала себя победительницей Олимпийских игр, получившей золотую медаль. Тем не менее машину я сейчас вожу без всякого напряжения, а вот плавать до сих пор побаиваюсь.

Солнце сильно припекает голову. Пока я предаюсь воспоминаниям, Кейти медленно плавает вокруг, опустив лицо в воду, так что кверху торчит только трубка.

Присоединившись к ней, я понимаю, откуда ее восторг.

Прямо подо мной целое облако или, вернее, косяк тропических рыб. Рыбы-клоуны оказываются намного меньше, чем я себе представляла, когда мы с Дейзи смотрели «В поисках Немо». И еще тысячи других рыб, голубых, золотых и серебристых, огромных и совсем крошечных, обычных и причудливых, с какими-то шишками и наростами. И множество кораллов, совсем не похожих на те мертвые остовы, которыми усеяны пляжи: они живые, яркие и шевелящиеся.

Не поднимая лица из воды, я уплываю от Кейти и остальных. Дышать через трубку я научилась довольно быстро. Это совсем не страшно и вполне комфортно. Иногда в трубку попадает вода, я паникую и начинаю кашлять. Однако вскоре до меня доходит, что надо всего

лишь поднять над водой лицо, и она сама выльется из трубки. Меня переполняют эмоции, и я все смелее ныряю в глубину. Мне хочется увидеть черепах и даже акул – ведь в таком изумительном месте ничего дурного просто не может случиться.

Заметив причудливую бугристую рыбу, я пускаюсь за ней вдогонку, уж очень забавная у нее морда, а тело отликает золотом. Она плывет, лениво рыская из стороны в сторону и разгоняя стайки мелких рыбешек. Я увлеченно преследую ее, гадая, знает ли она о моем присутствии. Вероятно, я закрываю ей свет, потому что плыву прямо над ней. Но я для нее все равно что облако для меня. Интересно, у нее здесь есть враги? И чем питается она сама? Ест рыб помельче?

Когда она наконец удирает от меня, я выныриваю на поверхность.

Вокруг никого нет, я одна посреди океана. Поначалу я даже улыбаюсь: это настоящее торжество блаженства. Приняв вертикальное положение, я озираюсь. Но лодки нигде не видно. Тогда я начинаю шарить взглядом по горизонту. Вдали темнеет какой-то остров, но я не уверена, что это Кесил. Возможно, это просто скала или далекий материк.

Больше ничего в море нет.

Я вдруг ощущаю всю глубину океана. Здесь только я в компании сотен тысяч рыб. Шутки об акулах больше не кажутся мне забавными. От волнения я начинаю задыхаться. Солнце обжигает макушку. Я ложусь на спину и, глядя в небо, стараюсь успокоиться.

Я же не могла уплыть так далеко, и лодка наверняка где-то поблизости. Но ее почему-то не видно. Мне на ум приходит история об австралийских ныряльщиках, которых забыли в море, потому что неправильно посчитали обувь, оставленную в лодке.

Что-то явно пошло не так, и мне предстоит выбираться отсюда самой. Моя единственная надежда – это остров, виднеющийся вдали.

Глава 10

Я пытаюсь плыть кролем, потому что это самый быстрый стиль, но устаю, а остров не становится ближе.

Услышав какой-то отдаленный звук, я не верю своему счастью и продолжаю плыть в том же направлении. Но вскоре он становится таким отчетливым, что игнорировать его уже невозможно. Тогда я оборачиваюсь.

– Эстер! – вопит Джин. – Да стойте же вы ради бога!

– Вы куда-то направляетесь? – осведомляется Марк, перегнувшись через борт и сверкая белоснежной улыбкой.

Самад, усмехаясь, подгребает ко мне.

– Вы же сказали, что плохо плаваете, – мягко укоряет меня Кейти, когда Самад пытается втащить меня в лодку. Это дается ему нелегко, но в конце концов я, едва не перевернув нашу посудину, неуклюже переваливаюсь через борт, как большой неповоротливый тунец.

– Вы уплыли черт знает куда, – говорит Эд, когда я опускаюсь на скамейку.

Я вся дрожу и чувствую себя полной идиоткой.

– Извините, – бормочу я, не поднимая глаз. – Я просто потерялась. Перестала ориентироваться. Плыла, словно во сне.

– Вы так быстро уплывали, словно у вас была какая-то особая миссия, – смеется Кейти. – Куда вы так торопились? Что случилось в этом вашем сне?

Все выжидающе смотрят на меня. Приходится признаться:

– Я плыла за рыбой.

Все молчат, потом Джен тихо смеется.

– Вполне уважительная причина, – произносит Черри. – А рыба была забавной?

Кивнув, я начинаю рассматривать свои ступни с розовым облупившимся лаком.

Эдвард кладет теплую руку на мое все еще мокрое плечо. Я благодарно прижимаюсь к нему.

– А куда она направлялась?

– Она меня в итоге заметила и скрылась. Как раз вовремя.

– Это точно. Иначе вы доплыли бы до Филиппин, – замечает Джен.

Хотя я по-прежнему чувствую себя по-дурачки, атмосфера в нашей компании явно разрядилась. Теперь мы чувствуем себя группой единомышленников, а не незнакомыми людьми.

– Простите меня, – повторяю я уже с улыбкой. – Я самое глупое существо на свете. Рано или поздно вы должны были в этом убедиться.

На следующей остановке я держусь как можно ближе к лодке. Кейти плавает рядом, хотя мы почти не разговариваем. Я все время поднимаю голову и смотрю, где остальные. Марк с Черри, смеясь, отплывают подальше. Джин и Джен устремляются в разные стороны, демонстративно игнорируя друг друга, но мне уже ясно, что это лишь игра. Эдвард заплывает дальше всех, стараясь тем не менее не пропадать из вида. Самад растягивается в лодке и дремлет на солнышке. Я наблюдаю за рыбами и ищу неуловимых черепах, но мне это скоро надоедает, я забираюсь обратно в лодку и сижу в компании спящего Самада.

– Мне сорок, – шепчу я про себя.

Но я этого не ощущаю. Неужели у всех так? В молодости сорок кажется старостью, а дожив до этой даты, чувствуешь себя молодой. Порой я чувствую себя столетней старухой, но в целом я та же самая, какой была в семнадцать. В общем, сорок – это не так уж страшно.

Сейчас, наверное, полдень. Дейзи уже проснулась. Я беру телефон, надеясь найти поздравление. Но от нее ничего не пришло.

Самад открывает глаза и бодро поднимается.

– Ну что, пора обедать? – с улыбкой спрашивает он.

Мне уже зверски хочется есть.

– Пора!

Это будет мой праздничный обед.

Самад заводит мотор, давая сигнал к отплытию, все возвращаются в лодку, и мы стартуем к острову, темнеющему на горизонте. Крохотный клочок суши, затерянный в морской дали. И тут я понимаю, как далеко мы забрались.

– Сколько лет твоей малышке, Самад?

– Уже пять недель, – с гордостью сообщает он. – Очень хороший ребенок.

– Пять недель! – воркую я. – Совсем крошка. Какая прелесть.

Это действительно прелестно. С рождением ребенка ничто не сравнится. Он заставляет вас жить в какой-то фантастической реальности, где все вращается вокруг маленького пришельца.

– А еще дети у вас есть?

– Да. Еще двое. Девочки. Одной четыре, другой два.

– Вау! – В моем голосе звучат восхищение и зависть, хотя в душе я рада, что решилась на это лишь один раз.

Мы подплываем к острову, и Самад сбрасывает скорость, чтобы мы могли оценить открывающуюся перед нами картину. Потрясающее место, самый настоящий необитаемый остров. Он затерян в океане, и я не могу определить, где же мы находимся. Никаких признаков материка и Перхентиан-Кесиля. Вероятно, мы все время плыли на восток, в сторону Филиппин, по версии Джена, но никакой земли так и не достигли. До самого горизонта только море. Островок совсем маленький и весь покрыт джунглями. Самое подходящее место для пикника.

Свой сороковой день рождения я отмечаю на райском острове, где-то в Южно-Китайском море.

Мыходим с лодки на белоснежный пляж. Вокруг тишина. Такое впечатление, что здесь вообще не ступала человеческая нога. На какое-то мгновение у меня закрадывается сомнение, а стоило ли вообще сюда приплывать. Этот берег выглядит точно так же, как тысячу лет назад. Здесь нет ни электричества, ни жилья, ни магазинов, ни Интернета. Дикая природа в чистом виде.

Белый песок такой горячий, что босиком по нему ходить невозможно. Вода здесь еще прозрачнее, чем на нашем курорте. Воздух, не загрязненный ничем, кроме нашего присутствия, кажется мне особенным, хотя, скорее всего, я просто фантазирую.

Все воспринимается каким-то нереальным. Джунгли полны тех же звуков и шорохов, что и на Кесиле, и я решаю держаться от них подальше. Вспомнив ящерицу-динозавра, с которой беседовала утром, я представила, какие монстры могут жить внутри острова. Возможно, здесь сохранились настоящие динозавры. Кто знает?

Самад хлопочет над пикником, отвергая любую помощь и отгоняя нас от продуктов. Он сгрузил с лодки четыре удочки с лесками и крючками. Предполагается, что мы будем ловить рыбу себе на обед. Но, видимо, он не слишком надеялся на улов, потому что притащил с собой кучу всякой еды. Мы с Кейти растягиваемся на песке, подложив под себя саронги, и лениво переговариваемся о том, почему в нашей культуре понятие рая предполагает именно такие атрибуты – необитаемый остров, песок, солнце и море.

– Может, море и песок мы связываем с раем, потому что жизнь зародилась в море, а потом переместилась на землю? – рассуждаю я.

– Вряд ли, – смеется Кейти. – Хотя теоретически это возможно. Мне лично кажется, люди едут на пляжи, чтобы лениться и расслабляться. Ведь там практически нечего делать, а для многих это и есть настоящий рай. Держу пари, те, кто здесь живет – ну, не здесь, конечно,

тут никто не живет, я имею в виду там, на большом острове, – так совсем не думают. Они уж точно не приходят в восторг от этих пляжей.

– Там они видят толстых белых людей, накачивающихся пивом. Вряд ли они так представляют себе рай.

– А как тогда? Это уж точно не центр Лондона или моя старая улица в Хэгни. На рай явно не тянет.

– Те, кто здесь живет и работает, вероятно, мечтают о горах. О Гималаях или о чем-то в этом роде. Давайте спросим Самада.

И тут мы слышим, как он кричит, созывая всех к себе.

– Вы уж простите, но у меня к вам просьба.

Мы все собираемся вокруг него, горя желанием помочь.

– Нет ли у кого-нибудь зажигалки или хотя бы спичек? – со смущенной улыбкой спрашивает Самад.

Он уже организовал пикник, отнесясь к этому со всей серьезностью. Я просто потрясена его хозяйственностью. Он привез ящик со льдом, в котором были свежая рыба (на тот случай, если нам будет лень заниматься рыбалкой) и мясо, пластиковый контейнер с салатом и картонную коробку с фруктами. Во втором ящике со льдом стоят бутылки с водой и банки с напитками. Еще он прихватил небольшую жаровню, уголь и дрова. Хотя от них теперь толку мало.

– Не понимаю, как это случилось, – оправдывается он. – Утром у меня была зажигалка. Я положил ее в пачку с сигаретами. Но она куда-то делась. Сигареты на месте, а зажигалки нет. Я всегда держу ее в пачке.

– Ты, наверное, оставил ее на берегу, – предполагает Черри. – Или она выпала из пачки. Ты в лодке смотрел?

– Обыскал каждый уголок. Каждый дюйм. Где только не смотрел. Так есть у кого-нибудь зажигалка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.